

Воронцов В. (псевдоним В. В.)
(1847 - 1918)

Судьбы капитализма в России

Воспроизводится по изданию:

Воронцов В. Судьбы капитализма в России // Народническая
экономическая литература. М., 1958

Директмедиа Паблишинг
Москва
2008

СУДЬБЫ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ²³³

ГЛАВА I

Капиталистическое производство и международная торговля

Промышленная организация России представляется гораздо более сложной, чем западноевропейская. Наблюдая, например, такую страну, как Англия, мы можем большую часть, если не все ее явления подвести под так называемые законы политической экономии: в сфере производства мы будем иметь здесь однообразные крупные капиталистические единицы, подчиняющиеся все вместе и каждая порознь одним и тем же законам капиталистической экономии, выйти из сферы влияния которых для них невозможно; распределение продуктов совершается между тремя группами людей, обыкновенно резко разграниченными одна от другой (землевладельцы, капиталисты, рабочие). Если мы здесь подчас встречаемся еще с ремеслом, то нам будет совершенно ясно, что это или последний проблеск прежней, уже догорающей жизни, или высшее проявление ремесленного искусства, граничащее с настоящим художеством и потому не поддающееся усилиям всенивелирующей техники. Даже такие явления экономической жизни, как периодически повторяющиеся кризисы, пауперизм, эмиграция, которые, по-видимому, противостоят цветущему состоянию производства, национальному богатству и т. д., даже они легко объясняются законами капиталистического строя и потому вместе с другими положительными сторонами жизни могут быть подведены под немногие основные принципы. Словом, экономическая европейская жизнь построена на легко определимом основании; все ее, по-видимому, разнообразные явления сводятся к нескольким положениям; изучая ее, мы определим план, по которому она организована.

Не то мы видим в России. Трудно даже сказать, чтобы у нас прочно утвердился какой-либо строй, а о выяснении принципов экономической жизни можно разве только мечтать.

В самом деле, в сфере обрабатывающей промышленности мы имеем, например, один ряд фактов, свидетельствующих о том, что крупное производство более или менее быстро усваивается на нашей почве, другой же ряд указывает на процветание его антагониста — кустарного промысла. В земледельческой области идет борьба мелкой культуры с крупной, причем, если даже предположить, что победа останется за первой, то неизвестно еще, какую форму примет крестьянское земледельческое хозяйство: мелких ли самостоятельных единиц на манер французских, (на что, по-видимому, намекает стремление к разделу общинных земель, проявившееся в некоторых местностях), германскую мужицко-аристократическую систему (зачатки которой можно видеть в разделении членов общины на «хозяйственных» мужиков и «маломощных», или в выделении из общины кулаков, мироедов, пользующихся кабальным крестьянским трудом) или, наконец, у нас выработается новая форма с большим или меньшим преобладанием общинных черт. Затем, если принять как более вероятное, что победа в борьбе за форму земледельческой культуры клонится в пользу мелкой, то почему же одновременно существует такой упадок хозяйства победителей как забрасывание крестьянами своих земель и бегство из сел и деревень даже таких губерний, где еще более низко пали их антагонисты — представители крупного землевладения? А при существовании такой вынужденной погони народа за заработком, что думать о жалобах фабрикантов на недостаток и дороговизну рабочих? и т. д.

Такая масса противоречащих друг другу явлений, перечень которых можно бы пррцолжить до бесконечности, указывает на то, что в нашей экономической жизни идет борьба нескольких начал, существуют рядом процессы разрушения и созидания, что направление дальнейшего движения еще не выяснилось. А между тем выяснить это направление было бы весьма важно как для оценки успехов и значения мер, принятых правительством для упрочения быта крестьян и развития нашей промышленности, так и для установления оснований будущих экономических мероприятий. Но и независимо от этих практических соображений изучение текущей русской жизни полно интереса теоретического, так как дает возможность проверить законы промышленного прогресса, установленные западной общественной наукой...

...Относительно значения капитализма в России вопрос, как известно, остается открытым. Одни бесповоротно решили, что наше дальнейшее развитие должно совершаться по западноевропейскому шаблону, и обставляют это положение более или менее солидными, хотя по преимуществу теоретическими соображениями; другие по мере сил отбиваются от таких заключений, но противопоставляют им главным образом отри-

цательные доводы о необязательности для нас следовать Западу, или славянофильские тенденции о противоположности Востока и Запада и проч. Попробуем отнестись к вопросу самостоятельно, основываясь на вышеразвитых положениях.

Есть много признаков, не только указывающих, что мы находимся на пути развития капитализма, но даже способных обмануть невнимательного наблюдателя, заставив его думать, что мы довольно быстро подвигаемся по раз избранному пути. Так, за последние 20 лет мы построили 20 000 верст железных дорог, а это — первое условие для развития капитализма и в глазах его. поклонников может служить ясным доказательством прочности, с какой он у нас водворился: построить и поддержать такую сеть нужен и капитал, и предприимчивость, и оживленные торговые обороты. Нет у нас недостатка и в мерах, направленных к концентрации мелких капиталов в крупные, к развитию кредита не только для крупного промышленного, но и земледельческого производства в виде разных акционерных обществ и банков. Существует много учреждений, задавшихся специальной целью способствовать развитию нашего производства и главным образом крупного. Учреждения эти наряжают комиссии для исследования торговли тем или другим продуктом не только внутри России, но и за границей; они — по пословице, куда конь с копытом, туда и рак с клешней, — по-видимому, серьезно толкуют, тратят время и деньги, например, хотя бы для принятия мер к прекращению конкуренции Америки нашей хлебной торговле в Европе, или для вытеснения Англии с азиатских рынков и т. д. Одним из любимейших вопросов нашей периодической прессы служит та же забота о побитии Англии, Америки, о развитии у себя той или другой отрасли машинной индустрии. Эта последняя с давних времен считается любимым детищем и нашего правительства, которое уже немало принесло ему жертв в прошедшем и еще больше, может быть, принесет их в будущем. Среди народа мы видим какое-то брожение, объясняемое обыкновенно борьбой отживающего мелкого производства с возникающим крупным, и об исходе этой борьбы якобы свидетельствует не по дням, а по часам увеличивающаяся масса безземельных крестьян. Наиболее решительные «западники» в новом духе прямо заявляют о неизбежном исходе этой борьбы в пользу крупного производства (и, разумеется, капиталистического), пророчествуют гибель кустарного промысла и настаивают на необходимости помочь водворению нового порядка вещей, между прочим, уничтожением общины. Среди народа размножается масса пиявок и эксплуататоров всякого рода, обдирающих его, как липку, и эти пиявки тоже считаются одним из элементов возникающего на почве капитализма третьего сословия, одним из признаков развития крупного производства. В пользу последнего говорит и привлечение к промыслу

женщин и детей, ибо капитал '«по мере увеличения своей массы и введения все новых и новых механических усовершенствований все более и более уменьшает поле для приложения мужской рабочей силы, взамен которой требует употребления незрелого женского и детского труда» *. В дополнение сходства наших промышленных порядков с западноевропейскими можно указать еще на развивающееся у нас так называемое рабочее движение, выражающееся главным образом организацией стачек. Наконец, мы не свободны и от неизбежных отрицательных атрибутов капиталистических порядков: крахов и банкового воровства.

Вот те признаки, которые, по-видимому, довольно громко вопиют о развитии у нас капитализма, о том, что в деле обобществления труда нам, *volens — nolens*, приходится помириться с методом, выработанным Западом, пойти по проторенной немцем и англичанином дорожке.

Несмотря на такую внушительную внешность, мы склонны, однако, считать все это больше игрой в капитализм, нежели проявлением его действительных отношений. Правда, мы построили и содержим 20 тысяч верст железных дорог, но это вовсе не свидетельствует об обширности наших сношений вообще и товарных перемещений в частности; дороги хотя и находятся в частных руках, но содержатся не промышленностью, а правительством: об этом чересчур красноречиво свидетельствует тот миллиард долга, который считает за ними казна. Несмотря на существование банков и акционерных обществ, концентрирующих капиталы, мы неустойно вызываем к правительству о поддержании промышленности, о субсидиях ей и банкам, о запретительных тарифах. Земельные банки, так те прямо, кажется, задались целью погубить наше частное землевладение, наших *капиталистов-землевладельцев*, призванных якобы развить капиталистическое производство. Об успехах этого развития свидетельствуют, например, такие факты: в Херсонской губернии заложены почти все имения; в Самарской, Уфимской и Оренбургской — больше половины; в Харьковской, Полтавской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской — около половины и т. д. Где земля лучше, где доходов больше, там оказывается и долгов больше — так производительно тратят владельцы занятые деньги. Просроченные платежи по отдельным банкам считаются сотнями тысяч. По 1 января 1878 г. ^банками публиковалось в продажу 6365 имуществ, из которых продано лишь 523, осталось за банками 414. Бессарабско-Таврический банк дал дивиденда: в 1874 г. — 22%, в 1875— 12, в 1876—10, в 1877—3, в 1878 — 0%, в 1879, пожалуй,

* «Слово», 1879, № 2, «Мысли об отношениях между общественной экономией и правом».

потянул с акционеров («Голос» № 81, 1879 г.) и т. д. Перечисление подобных фактов, если бы это было нужно, можно продолжить до бесконечности; мы переняли с Запада все атрибуты и орудия капиталистического производства и меньше всего самое производство. Жалобы на дороговизну рабочих, стремление к разрушению общины и прочие якобы проявления молодого капитализма, бьющегося в тисках стесняющей его развитие отсталой формы древней промышленности, по нашему мнению, указывают скорее на мертворожденность русского капитализма, на потребность его как-нибудь оправдаться в своем *fiasco*, свалить с больной головы на здоровую. Дешевле нашего труда нет нигде; к тому же дорогой труд вовсе не препятствует водворению крупной промышленности. Крестьянское население рыскает повсюду за работой, готово идти за кусок хлеба хоть на край света — причем же здесь недостаток рабочих, причем тут община! Только теоретики капитализма, считающие его неизбежной ступенью в развитии промышленности каждой страны и не имеющие возможности почерпнуть материал для своей пропаганды этой формы обобществления труда в действительном ходе дел, не имеющие возможности потому, что идет оно у нас из рук вон плохо и от причин неустранимых, — только такие теоретики, говорим, могут утешать себя киваньем на дороговизну рабочего, на общину, могут с серьезнейшим видом применять к нашей жизни (разумеется, пока только в воображении) все детали исторического развития промышленности на Западе, не понимая того, что там это было развитие, а у нас пересадка, подражание.

Но, впрочем, все это — косвенные признаки развития капитализма в России; обратимся к прямым его проявлениям в нашей земледельческой и фабричной промышленности.

Если применить к России те заключения, которые выше мы сделали относительно стран, поздно выступивших на сцену истории, то мы должны признать, что границы расширению ее крупного производства даны заранее определенным (внутренним) рынком, вследствие чего свободному полету капитализма положены у нас довольно тесные пределы²³⁴; во-вторых, что расширяться наше крупное производство будет не столько в ширину, сколько, так сказать, вглубь, т. е. не столько охватывая все большее число рабочих, сколько увеличивая производительность труда уже занятых (вводя новые машины) *. Эти два условия, которыми ограничивается

* В сущности, то же делается в настоящее время во многих других странах: развитие техники вместе с соперничеством соседей делает излишним привлечение к производству новых рабочих; так, в Англии почти весь

поле распространения капитализма в России, совершенно изменяют для нас его историческое значение. Задача, поставленная на Западе капиталу историей,—это преобразование единичной формы труда в общественную; ради этого он должен охватить по возможности все отрасли промышленности, доступные кооперации, вытеснить совершенно мелкое производство. Если он этого добьется у нас в России, то, так как обобществленный труд обладает такой производительностью, что одна его единица (например, 1 рабочий) удовлетворит потребности 5—10 человек, а потребителями его продуктов будут лишь местные жители, то очевидно, что лишь 76—77ю всего населения может быть занята капиталом и, следовательно, получит средства покупать его продукты, остальные принуждены будут бежать со своей родины. А в таком случае они не станут и потреблять продуктов капиталистического производства; последнее, следовательно, будет производить впустую. Иначе говоря, русский капитал не охватит не только всех областей производства, но и значительной их доли; обобществит он труд лишь небольшой части рабочих, следовательно не совершит у нас своей специфической миссии, а в таком случае, какой смысл стараться всячески насадить его?..

Вот вкратце наши заключения и сами собой напрашивающиеся выводы:

1) Развитие у нас крупной промышленности совершается при сильном ограничении внешнего сбыта и при возможности широко пользоваться всеми техническими усовершенствованиями более развитых стран.

2) Вследствие этого она будет развиваться не столько экстенсивно, сколько интенсивно, т. е. весьма мало изменяя абсолютную цифру своих рабочих (или ее отношение ко всему населению), но увеличивая производительность их труда.

3) Поэтому для ее преуспевания нет надобности в дальнейшем обезземелении русского народа, а следовательно и в уничтожении общины, и лишившийся земли крестьянин не найдет работы на фабрике.

4) Напротив, так как крупная наша промышленность должна рассчитывать главным образом на внутренний сбыт, то степень ее процветания находится в прямом отношении к зажиточности массы населения; каждый же безземельный крестьянин в силу того, что он принужден бежать с родины, уменьшает спрос на ее продукты.

годовой прирост населения эмигрирует. Но зато там процесс объединения рабочих капиталом уже почти завершился, а у нас только что еще начинается.

Успехи машиностроения

В предыдущей главе мы видели, что крупное производство в России за последнее десятилетие осталось *in statu quo*, а это — имея в виду естественную прибыль населения, происшедшую в означенный период, — должно быть признано за указание на его упадок. Мы можем указать и на вероятную причину такого явления: лишенное внешнего сбыта, наше капиталистическое производство находится в зависимости исключительно от внутреннего потребителя, а так как последний в лице русского мужика, несмотря на развитие своих потребностей, сильно за последнее время отощал, то, естественно, это отощание отразилось на его поставщиках, крупных фабрикантах, сокращением их оборотов.

Видное исключение из общего правила представляет механическая отрасль крупного производства. Тогда как вся промышленность вообще не двинулась в прошедшем десятилетии ни на шаг вперед, обороты механических заводов возросли за это время с 27Vs млн. руб. до 45^{2/3} млн., а число рабочих у них увеличилось с 27 тыс. человек до 45 тыс.; вся эта отрасль поднялась на 66%. Это значит, что последнее десятилетие было особенно благоприятно для развития рассматриваемой области крупного производства; иначе говоря, что капитализм нашел здесь себе убежище, где он мог свободно укрыться от напастей, преследующих его на других пунктах промышленного поля, и беспрепятственно развивать свойственные ему тенденции. Механическая область есть та самая, где новейший капитализм сделал наибольшие успехи; поэтому ознакомление с нею дает нам возможность судить как о внутренних достоинствах русского капитализма, так и о всех шансах его на высокое развитие в будущем.

Итак, мы знаем, что экстенсивно крупная механическая промышленность развивалась в семилетие на 66%. Каково же теперь ее внутреннее состояние и почему, в противоположность общему направлению фабрично-заводской жизни, она так быстро двинулась вперед?

С первого взгляда это даже может показаться нелепостью: механическая промышленность создает орудия производства для различных отраслей труда; если последние находятся в упадке, то как же могло случиться, что поднялась первая; где она почерпала возбуждение для своей оживленной деятельности?

Ответ на это мы найдем, когда от голых общих цифр обратимся к отдельным конкретным фактам.

По сведениям, собранным в 1875 году русским техническим обществом, у нас существует до 362 механических

заведений, но из них более подробные сведения есть только о 180 специально машиностроительных заводах, из которых ^{2U} занимаются постройкой и ремонтом железнодорожных принадлежностей, а одна четверть prepares земледельческие орудия...

Рассматриваемые заводы возникли не по естественному росту промышленной жизни страны; они не были результатом развившегося спроса на механические изделия, удовлетворять который иностранными продуктами было бы дорого и затруднительно. Они родились по воле правительства, вопреки прямому экономическому расчету и для временных потребностей: понадобилось перевооружить армию, завести суда новой конструкции, и вот частные лица снабжаются деньгами, обеспечиваются заказами и в продолжение нескольких лет получают хорошие барыши. Кончились заказы — пришел конец и заводам, так как другого рынка для своих изделий, кроме упразднившегося казенного, они не найдут. Приспособления, сделанные заводами для известной цели, опыт, приобретенный в данной отрасли рабочими, пропадают даром; промышленность из пройденного урока не почерпнула почти ничего. Заводчик, положив более или менее солидный куш в карман, спешит разделаться с имуществом, которое от него переходит в руки другого лица, приобретающего его тоже не ради продолжения полезного дела, а потому что предвидится казенный заказ какого-либо совершенно нового предмета, вместо пушек, например, паровозов или вагонов. Купленный завод перестраивается для нового производства и пускается в ход ради набивания кармана своего нового хозяина. Таким образом, наше механическое дело имеет чисто спекулятивный характер; заводы возникают ради временных требований рынка, а задача, ими преследуемая, заключается не в постановке дела на прочном основании, а в доставлении их хозяевам больших барышей. Поэтому заводчики считают излишним заботиться о тщательной отделке своих произведений, первым условием чего должна быть специализация производства; вместо стремления к такой специализации, мы замечаем у них готовность браться за всякое дело, лишь бы оно приносило барыши. Так, Невский завод русского общества механических и горных заводов получил от правительства заказ паровозов, но одновременно же он строит броненосные суда, железные мосты и j и prepares некоторые другие изделия; машиностроительный завод Коломенского общества, кроме паровозов и вагонов, занимается изготовлением железных мостов и балок; Семеновский завод Голубева, независимо от выделки снарядов и лафетов, приспособлен еще к вагонному производству; завод Фронштейна занимается ремонтом паровых машин, хозяйственными изделиями, исполнением заказов артиллерий-

ского ведомства и приготовлением паровых водокачалок; один из заводов-ветеранов, бывший Берда, принимал заказы от артиллерийского ведомства, строил суда, прокатывал рельсы, выделывал сталь; завод Балтийского общества (бывший Карра и Макферсона) брался строить локомотивы и вагоны, и т. д...

...Понятно, что положение заводов при таких условиях крайне непрочное: не имея обеспеченного, естественно явившегося сбыта, водворившись на русской почве внешней силой и чувствуя дисгармонию со всем окружающим, наши заводы, что называется, дышат на ладан: побывав в одних руках, завод переходит в другие, надеющиеся на помощь правительства, и в конце концов становится, подобно железным дорогам, неоплатным должником последнего...

...Уже климатические условия России не благоприятствуют водворению у нас капиталистического строя промышленности. В самом деле, для развития последнего необходимо, чтобы продукты его на рынке отличались дешевизной, дабы могли конкурировать с иностранными. Ввиду этого имеет свое значение всякое естественное или искусственное обстоятельство, удорожающее или удешевляющее производство, а наши климатические условия принадлежат к числу обстоятельств первого рода. Суровый климат обязывает нас строить более прочные, а следовательно, и более дорогие постройки и тратиться на их отопление и освещение в продолжение длинной зимы; содержание рабочих по той же причине обходится сравнительно дороже (кроме летнего, им нужно зимнее, более дорогое, платье, лучшая пища и отопление квартиры зимой, и т. д.), каковой расход отражается тоже на цене продукта. Но гораздо сильнее влияние оказывает наш климат в союзе с огромными пространствами нашего отечества.

Удобства путей сообщения составляют главное условие существования крупной промышленности, а тем более капиталистической, ибо последняя требует большого сбыта, чего она может добиться лишь дешевизной своих продуктов. А какая дешевизна мыслима при отсутствии удобных путей сообщения, позволяющих беспрепятственно доставлять заводам материал и пр. и посылать продукты своего производства в отдаленнейшие уголки рынка?..

Не ясно ли, что в России не существует элементарнейших условий для развития капиталистического производства, которое требует непременно возможности постоянных перемещений огромных масс продуктов и рабочих с одного конца страны в другой, перемещения скорого и дешевого. А мы не можем достигнуть даже того, чтобы беспрепятственно передвигать по известным уже направлениям главную опору нашего финансового положения — хлеб; дабы он не задержал-

вался на станциях, подвижной состав наших железных дорог должен быть увеличен до таких размеров, что стоимость версты будет уже не 50 000 руб., как ныне, а 140 000 руб. Интересно знать, что бы запели наши железные дороги, если бы от них серьезно потребовать выполнения их назначения, хотя бы в отношении главного продукта нашей торговли— хлеба; долго ли протянули бы настоящие их хозяева— акционерные общества, и теперь не прекращающие требовать от казны доплат по гарантии. Если же только подумать о том, сколько будет стоить постройка в России такого количества шоссейных и железных дорог, которое хотя бы до некоторой степени уравнивало шансы борьбы нашего капитализма с западноевропейским (судя по примерам других стран, количество это должно быть несколько сот тысяч верст железных дорог и миллионы шоссейных), то каждый непредубежденный ум согласится, что дело этой формы производства в России — дело окончательно проигранное...

...Итак, идя капиталистическим путем, мы не создадим у себя высокоразвитой механической промышленности. Мы не имеем внешнего рынка для своих продуктов, а внутренний сбыт так незначителен, что не может дать пищи для конкуренции— этого рычага промышленного прогресса при капиталистической организации общества. Столь же тщетно будет надеяться и на развитие специализации производства, без которой, однако, немислимо приготовление дешевых и хороших продуктов, а также на создание постоянного запаса искусных рабочих. Весьма ограниченное, сравнительно с громадными размерами страны, производство не в силах построить и поддерживать всю ту массу железных и шоссейных дорог, какая необходима для сносного существования капитализма, а без этого условия значение внутреннего запроса на продукты еще более суживается; страна разбивается на несколько округов, из которых каждый будет иметь свою промышленность (по крайней мере, это нужно сказать о громоздких продуктах); поэтому рынок каждой серии заводов еще сузится, условия для конкуренции, специализации производства и проч. еще более ухудшатся (припомним, что этому обстоятельству обязан своим существованием настоящий характер заводов, приготавливающих земледельческие орудия, которые берутся за все и все исполняют худо) и т. д. Поэтому мы никогда и не добьемся, чтобы наше капиталистическое производство возвысилось до того уровня, на каком оно стоит в Европе...

...Следует ли из этого, что мы должны оставаться в вечной зависимости от иностранцев или довольствоваться дорогами и низкокачественными продуктами отечественной фабрики* а другого выхода нам так и не найти? Вопрос этот

сводится на другой: руководство капитала — есть ли единственный светоч промышленного прогресса?

Развитие промышленности, замена отсталых способов производства усовершенствованными на Западе является результатом борьбы частных интересов отдельных заводчиков. У нас, в механической отрасли промышленности, этой борьбы не существует, а судя по размерам сбыта, она и не может развиваться в более или менее близком будущем. Следовательно, обычный двигатель промышленного прогресса к нам неприменим; наш капитализм лишен того рычага, с помощью которого его западный собрат перевернул экономическую организацию Европы и возвысил ее промышленность до наблюдаемой высоты. А без указанного рычага конкуренции он теряет всякое прогрессивное значение: из формы, исторически необходимой для промышленного прогресса, каким капитализм фигурирует на Западе, у нас он превращается в форму эксплуатации народного труда в частных интересах небольшого кружка лиц, не играющих никакой исторической прогрессивной роли, а скорее стоящих тормозом на пути правильного развития промышленной жизни.

Но мыслим и иной путь промышленного прогресса: рычагом его может являться или стремление сократить и облегчить труд работающих (так как такой результат есть неизбежная черта развития техники), если работники суть в то же время и хозяева предприятия, или сознание пользы предлагаемого улучшения для дела, т. е. для общества. Первый способ приложим в настоящее время к тем производствам, которые легко доступны для артельной организации, к числу последних не принадлежит механическое дело, и потому к нему должен быть приложен второй способ. Для этого необходимо, чтобы производство находилось в руках учреждения, не столько заинтересованного в его минутных материальных успехах, сколько заботящегося о прочной постановке дела и относящегося к вопросу с точки зрения общественной пользы. Таким учреждением является правительство; оно и должно заведовать интересующими всех в настоящее время промышленными предприятиями. В России так оно и было до последнего времени: наша крупная промышленность явилась на свет божий по желанию правительства, и некоторые ее отрасли наполовину оставались в его прямом заведовании, другие оно поддерживало пособиями и заказами. Наша интеллигенция, однако, относилась неодобрительно к казенным заводам и до самого последнего момента агитирует в пользу перехода их в частные руки; в том же смысле высказался и съезд машиностроителей. Такое отношение к казенным заводам есть естественный результат капиталистического мирозерцания общества, и оно рационально постольку, поскольку имеет смысл последнее. С этой

точки зрения, действительно, частная промышленность выгоднее правительственной, так как она, находясь в непосредственном распоряжении полных собственников предприятий, может быстрее следовать за успехами техники, скорее двигаться по пути прогресса; второе ее преимущество заключается в том, что, подчиняясь законам соперничества, частная промышленность обходится дешевле казенной, ее продукты стоят меньше. Все это совершенно верно; но оно имеет значение для частной, или, что то же, для капиталистической промышленности, развившей все присущие ей свойства, а не застывшей, как наша, в зачаточной форме. Выдающимися чертами нашего капиталистического производства и является именно его неподвижность и дороговизна, и так как обе эти стороны зависят от недостаточного сбыта, являющегося в свою очередь результатом закрытия для русской промышленности международного рынка, занятого раньше вставшими на путь прогресса соседями; так как существующая преграда между нашим производством и внешним рынком сохранит, вероятно, все свое значение на очень и очень продолжительное время, то ждать исправления нашего капитализма и до тех пор испытывать на своей шкуре только остроту его шипов будет по отношению к нему излишней деликатностью и большой ошибкой перед историей.

Итак, раньше чем артельная организация охватит механическую отрасль промышленности, последняя, вероятно, перейдет в казенное заведование. На этот путь дело постоянно стремится стать само собой, а мы с своей близорукостью гнем его в противоположном направлении: казна призывает к жизни и разнообразными мерами поддерживает отдельные частные предприятия; те, потоптавшись на месте и переменив несколько хозяев, отдаются с руками и ногами казне, а эта последняя, вместо того чтобы послушаться голоса судьбы, начинает сказку о белом бычке и приискивает для заводов новых хозяев. Но дело, таким образом, не может тянуться вечно: сказка надоест и самому рассказчику. Правительство побьется еще некоторое время, пробуя различные мероприятия в пользу капитализма, затратит немалое количество рублей ради упрочения этой формы промышленной организации, но затем, видя, что желанная экономическая независимость России от иностранцев не наступает, что крупное производство держится все равно лишь внешней поддержкой и все равно поглощает народные средства — как прямо получая их от правительства, так и косвенно вытягивая их с потребителей под видом платы за изделия, часть которой при покровительственном тарифе на самом деле есть пошлина в пользу внутреннего производителя, — правительство, говорим, убедится, наконец, в тщете надежды пересадить к нам западно-европейские порядки и . должно будет или предоставить

крупные предприятия их естественной судьбе, что значит обречь их на гибель, либо прямо возьмет их в свое заведение. Производство от этого, может быть, и не подешевеет значительно, но зато будет достигнуто несколько весьма важных результатов: во-первых, производство специализируется и станет, хотя медленнее европейского, следить за успехами техники; во-вторых, судьба рабочих будет обеспечена, так как казна, не гоняясь за прибылями, может давать им вознаграждение, достаточное для сносного существования, понемногу приучать их к управлению предприятием, дабы впоследствии передать в их руки все ведение дела; этим приемом будет достигнута и другая цель, недоступная частному производству: будет создан постоянный контингент искусных рабочих, крепко связанных с заводом; в-третьих, если вместе с тем последует и передача в руки правительства и железных дорог, то иссякнет один из главнейших источников накопления капитала; накопление это, имея известное значение на Западе, лишено всякого смысла в России: сосредоточенный, таким образом, капитал не пойдет у нас на дело прогрессивного развития промышленности — на организацию высшей формы производства, — а станет служить исключительно для эксплуатации массы населения в интересах небольшого кружка счастливых. Это не настолько почтенная цель, чтобы ради ее стоило поддерживать и развивать процесс образования капитала.

Но не утопия ли все это, скажет читатель? Исправится ли дело с переходом в руки казны; сделаются ли его руководителями люди талантливые, способные организовать производство по всем правилам техники; будет ли администрация заводов заботиться о благосостоянии рабочего и не станет ли она, напротив того, урезывать всякий его кусок с целью наполнения собственного кармана; таким образом, процесс накопления капитала не переменит ли только внешнюю оболочку, и капиталист-казнокрад не займет ли место современного дельца?

Да, читатель! Если бы завтра исполнилось то, что мы проектируем, то именно по-твоему бы и вышло. Хищные инстинкты так сильны в современном обществе, что в той или иной форме — а ближайшее будущее принадлежит им. Но это-то хищническое направление общества и послужит препятствием скорому выполнению нашего проекта, ибо указанная реорганизация промышленности поведет к уничтожению обычных приемов, которыми до сих пор хищничество питалось, а там еще жди, когда и как выработаются новые орудия хищения и попадут ли они в твои руки! Современные руководители хищников, повторяем, воспрепятствуют перемене, ближайшим результатом которой было бы изменение формы хищения.

Указанное преобразование промышленности тогда проявит свои благотворительные последствия, когда изменится все направление нашей общественной жизни, когда сделается общепризнанным, что руководство капитала и связанные с ним привилегии составляют зло русской жизни и что прогрессивное развитие страны возможно лишь при отсутствии всяких стеснений для проявления народной деятельности и при строгом преследовании общественными учреждениями принципа пользы рабочего населения, принципа, лезащемняемого никакими другими более или менее почтенными формулами. Тогда отыщутся и ныне отсутствующие честные и талантливые деятели, которым может быть поручено преобразование нашего капиталистического производства в государственное и артельное²³⁵.

ГЛАВА III

Капитализация кустарного промысла

...Организация общественной формы труда в кустарном промысле совершается крайне медленно. Обогащение отдельных промышленников ведет лишь к механическому расширению их производства, но не к дальнейшему развитию мануфактуры, вследствие чего такая концентрация производства не нарушает возможности существования рядом мелких мастерских. Еще больше в истории кустарного промысла за последние десятилетия гораздо яснее проявляется его декапитализация, чем сосредоточение производства в меньшем числе более крупных мастерских; и сплошь да рядом развитие промысла в местности начинается образованием крупных заведений, которые потом распадаются на более мелкие. В основе такого направления нашего кустарного промысла лежат, во-первых, общие международные неблагоприятные условия для развития в России капитализма и, во-вторых, непорванная еще связь рабочего населения с землей. И обратно, укрепляя последнюю, мы отнимаем у туземного русского капитализма и теперешние его устои, создаем возможность для совершения развития общественной формы труда на артельных началах. Весьма вероятно, что процесс обобществления труда артельным путем пойдет быстрее, чем он шел под руководством *нашего* капитализма: по крайней мере, последний показал очень мало стремления воспользоваться выгодами улучшенных способов производства и разделения труда, а неблагоприятные условия сбыта и дешевизна ручного труда объясняют такую инертность русского капиталиста. Артель же, помимо стремления к обогащению, побуждается к развитию производительности труда и другим

мотивом — весьма естественным желанием сократить и облегчить свою работу; поэтому, и при неизменном сбыте продукта, она может все-таки заботиться о введении различных технических усовершенствований²³⁶.

Положение это хотя и противоречит тому понятию о свойствах и задачах капитала, какое составилось о нем в общественной науке, но не следует забывать, что последняя изучала капитал в Англии, стране его естественного развития и наивысшего процветания, а, как мы уже видели, он далеко не везде может дать столь же пышный цвет...

...Мы живем в такой исторический момент, когда нам нечего ни особенно опасаться капитализма, ни рассчитывать на него. Нам предстоит задача создать в больших размерах новую форму промышленности, удовлетворяющую, наряду с требованиями наивысшей производительности труда, и принципу самостоятельности производителя со всеми его последствиями. Капиталистическая система фабрик вряд ли может быть признана лучшей для этого формой. Организуя труд, капитал стремился к одной цели: достигнуть наибольшего производства с наименьшими издержками. При организации же общественной формы труда в интересах народа рядом с принципами хозяйственной экономии будут поставлены и другие, как-то доставление наибольшего досуга работающему, предупреждение оупляющего действия однообразных манипуляций, вредного влияния на организм скученности людей и производства, устранение от последнего детей, может быть, и женщин и пр. Весьма вероятно, что удовлетворение всем этим требованиям поведет к необходимости создать новую, отличную от капиталистической, промышленную единицу и их систему, сходную, например, с той, которая практикуется в швейцарском часовом производстве. А в таком случае и рабочий вопрос на Западе усложняется еще более: становится недостаточно одного лишь замещения капиталиста группой рабочих в организации, совершенно уже для них приготовленной капиталом. Капитал, правда, организовал труд, но в форму, непригодную для рабочего, и последнему придется ее перестраивать.

Будем надеяться, что именно Россия и есть та страна, которая послужит ему образцом при его реорганизационной работе, что ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, если уж ей не суждено бороться за свободу.

Но чтобы организовать крупную промышленность в народных началах, устранив таким образом капитал, Россия должна, как мы видели, начать с устройства своих поземельных отношений. Иначе может случиться, что пока солнце равенства взойдет, кулак ему выест очи.

Современное положение помещичьего хозяйства
и его отношение к рабочей силе

Самые важные битвы между крупным и мелким производством в России произойдут на земледельческой почве; и так как эта отрасль промышленности еще долго будет у нас господствующей, то формы ее будут иметь определяющее значение и для всей экономической организации страны: завоевав земледелие, капитал почти выиграет свое дело. Посмотрим же на его успехи в этой области.

Россия, говорим, — страна по преимуществу земледельческая; земледелие — наша специальность; часть нашей территории считалась недавно (а может быть и теперь еще считается кем-нибудь) даже житницей Европы, и поэтому естественно ожидать, что сельскохозяйственная область у нас находится в наиболее благоприятных условиях для развития капиталистического производства. Наша сельскохозяйственная репутация за границей, определенные рынки для сбыта русского хлеба, недостаточность земли у крестьян и дешевизна рабочих — вот условия, по-видимому, благоприятные, если не для процветания нашего частновладельческого хозяйства, то, по крайней мере, для выяснения его роли в деле обобществления земледельческого труда, — задача, совершить которую на Западе выпало на долю капитала, которая и в России, говорят, должна принадлежать ему же. Каким же образом справляется с этой задачей капитал? Какое направление приняла земледельческая промышленность через 15—20 лет по освобождении крестьян? Правда, крестьянская реформа не могла не произвести кризиса в частновладельческом хозяйстве, так как последнее теперь принуждено было устраиваться на новых началах, основанных на свободном труде. Но, во-первых, свободный труд не явился у нас после освобождения впервые, во-вторых, недостатка в этом труде у нас не оказывается, в-третьих, выкупная операция доставила помещикам и капитал для устройства нового хозяйства. Наконец, то или другое направление сельского хозяйства не связано неразрывно с процветанием дворянского сословия: если последнее окажется неспособным приноровиться к новой обстановке, оно уступит свое место другим; а для нас важна в настоящую минуту не судьба прежних хозяйств, а характер новых. Это же новое имело время заявить о своем существовании, показать свои характеристические черты; и оно действительно явилось, показало себя, — недаром отовсюду раздаются жалобы дворянства на потерю ими родовых земель, на переход последних в руки крестьян и других сословий. «Реформа 19-го февраля, как всякое потрясение,

произвела значительнейшие колебания в первое за нею время. Впоследствии эти колебания, постепенно ослабевая, уже начали открывать для сельского хозяйства новые основания и новые пути и притом пути более прямые и основания более прочные в отношении к его будущему развитию. Все явления, происходящие в какой бы то ни было отрасли промышленности в такие эпохи колебаний, нельзя признавать вполне нормальными, и потому, при суждении об этих явлениях, надлежит принимать в расчет то переходное время, которое естественно должна пережить всякая обширная промышленность, подвергшаяся потрясениям *. Согласимся, что время действительно переходное; но если параллельно с сокращением помещичьей запашки в нечерноземной местности, забрасыванием значительной частью крестьян своих наделов наблюдается такой, например, факт, как постоянно возрастающий вывоз за границу хлеба, дошедший с 8V₂ миллионов четвертей в год в начале шестидесятых годов до 30 млн. в половине семидесятых годов, то мы вправе ожидать от частного землевладения, что оно настолько ориентировалось среди новых обстоятельств, что может уже показать нам направление своего дальнейшего развития, те прелести, которые оно обещает водворить в земледелии в будущем. Это признает и доклад комиссии, говоря о новых путях и основаниях послереформенного хозяйства; посмотрим же, каковы эти «пути более прямые и основания более прочные».

Сведения о состоянии нашего сельского хозяйства сосредоточены главным образом в трудах официальных комиссий, и хотя у нас есть под руками доклады комиссии для исследования состояния сельского хозяйства и проч. в России, но мы предпочитаем цитировать кн. Васильчикова, который пользовался, кроме того, и другими данными и заслужил уже своими трудами репутацию знатока нашего сельскохозяйственного быта. Впрочем, по мере надобности мы будем ссылаться как на доклады, так и на другие источники.

Итак, приступил ли капитал к обобществлению земледельческого труда, применил ли он к сельскому хозяйству простую и сложную кооперацию, произвел или даже только заявив твердое намерение произвести переход от экстенсивной культуры, к интенсивной, применил ли к обработке земли машины, словом, совершил ли все то, что характеризует обобществление труда, и если совершил, то оказались ли в действительности и неизбежные результаты развития крупной капиталистической промышленности — сокращение мелких хозяйств вследствие невозможности конкурировать с крупными, уничтожение самостоятельного крестьянского земле-

* Доклады высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего состояния сельского хозяйства и сельской производительности § России. Доклад, стр. 4.

делия, превращение крестьян в батраков не в силу мало-земелья, произведенного посторонними воздействиями, а вследствие подрыва их мелких хозяйств крупными? Сделаем краткий обзор положения сельского хозяйства в степной и черноземной полосах. Обращаемся прежде всего к группе черноземных великороссийских губерний. Они характеризуются густым населением и глубоким плодороднейшим черноземом, т. е. условиями, «которые должны обеспечить процветание сельского хозяйства», условиями, скажем от себя, благоприятными и для развития капиталистической формы производства. И вот результат всех этих благоприятных условий: «вся эта полоса представляется уже ныне в виде сплошного пахотного поля с тощими покосами и бесплодными полями: естественные луга все распаханы, травосеяние не принимается», «кормов нет, скотоводство упадет, навозные скопы уменьшаются и, по мере того как выпаханные земли начинают требовать удобрения, сокращаются средства для унавоживания полей». Доходность земледелия здесь сильно возросла, но «надо опасаться, чтобы этот временный и усиленный прогресс не повел за собой еще сильнейшую реакцию». Итак, здесь мы не видим пока ничего такого, что имело бы прочную будущность: наблюдаем лишь беспардонную эксплуатацию земли, которая не приведет ни к чему хорошему, совершается ли она на капиталистическом или ином основании. Посмотрим, однако, в каких размерах развивается здесь капиталистическое производство, и насколько побивает оно мелкое, крестьянское. У князя Васильчикова мы не находим об этом данных; он говорит лишь, что, насколько частновладельческая земля сдается здесь в аренду, съемщиками являются одни крестьяне или крестьянские общества, представляющие, по словам землевладельцев, наиболее исправных арендаторов. Отсюда уже можно заключить, что крестьянское хозяйство не пасует перед помещичьим; но для большей убедительности пересмотрим доклады комиссии, причем постараемся быть как можно кратче и обратим внимание главным образом на степень развития вольнонаемных хозяйств, ибо только здесь возможно применение приемов крупного производства; обработка же земли исполу или издельно есть не столько система хозяйства, сколько система получения ренты, что возможно и вне капиталистической формы производства.

По словам управляющего мариинской учебной фермой, вольнонаемное хозяйство в Саратовской губернии — редкость, землевладельцы большей частью отдают землю крестьянам за деньги или за отработки; то же подтверждает и один арендатор Саратовского уезда. Десять человек из разных уездов заявили о преобладании вольнонаемного хозяйства, другие говорят, что вольнонаемная обработка существует наряду

с испольной. Но как бы то ни было, пусть даже вольнонаемная обработка помещичьих земель преобладает над испольной — крупные хозяйства ведутся по той же трехпольной системе, как и крестьянская (очень мало заявлений * о введении лучших способов обработки пашни, усовершенствованных орудий), и хозяйство крестьян не только не сокращается, но посевы их заметно увеличиваются, а посевы помещиков, по заявлению некоторых, «уменьшаются после 1861 г. и продолжают уменьшаться по тому случаю, что обработка полей вольнонаемным трудом при дороговизне и недобросовестности рабочих, невыгодна». В Пензенской губернии, по заявлению большинства опрошенных в комиссии лиц, хлебопашество ведется исполу и очень редко наемными рабочими. В Тамбовской, по словам большинства, хозяйство ведется главным образом наемным персоналом, по другим — издельно. Запашка вообще увеличилась, хотя в некоторых уездах только у крестьян, у помещиков же сократилась. В Орловской губ. хозяйство ведется по разным системам, причем вольнонаемное — господствует в Орловском уезде; травосеяние все больше распространяется. То же следует сказать и про Курскую губ., где в одних уездах развита вольнонаемная обработка, в других — испольная, в третьих — издельная, крестьянское хозяйство в изрядном состоянии, и крестьяне, между прочим, арендуют владельческие земли **. Итак, кроме, может быть, зачатков высших культур кое-где, клочками, нет никаких определенных указаний на серьезное развитие капиталистического производства, а тем паче на подрыв им крестьянского.

В Новороссийском крае господствует вольнонаемная обработка земли, но она не уничтожает мелких хозяйств и с течением времени сама скорее суживается, чем расширяется: так, землевладельцы некоторых уездов Екатеринославской губернии заявляют, что эта система заменяется сдачей земли в аренду крестьянам и посторонним лицам; в Бессарабии такими арендаторами являются, между прочим, евреи. Господствующая система — переложная, сильно истощающая землю, отчего урожай с течением времени уменьшается ***. В восточной половине степной полосы «земледелие находится почти исключительно в руках крестьян. Непреодолимое стремление сельских обывателей к распространению своих эксплуатаций, к захвату наибольшего количества угодий вытесняет из этого края вольнонаемное, издельное хозяйство; господских запашек мало, сдаточная система преобладает, в батраки и поденщики крестьяне не нани-

* О них смотри ниже.

** Доклады высоч. учреждений. Комиссии. Приложение 1.

*** Там же.

маются, и вместе с тем по беспечности владельцев, с помощью спекулянтов, купцов-съемщиков все более и более распространяется беспощадная культура, так называемая система залежей, выгодная для съемщиков, убыточная для владельцев и безусловно пагубная для народного хозяйства *. Эти крупные арендаторы в Самарской губернии снимают десятки тысяч десятин земли в одни руки и передают ее по мелочам крестьянам за значительно возвышенную, разумеется, плату. Спекуляция на этом не останавливается: большое количество плодородной земли и возможность иметь дешевый кабальный труд вовсе не располагают хозяев вводить интенсивную культуру. Напротив, каждый заботится лишь о возможно большем посеве и о запродаже его, даже не ожидая жатвы. Спекуляция до того развилась, что постоянно происходят скупки, перекупки, закладывания, перезаклаживания посеянного хлеба в различных периодах его зрелости или даже еще не засеянной, а лишь вспаханной земли; при этом хлеб, пока окончательно созреет, успеет переменить двух-трех хозяев **. Словом, настоящая биржа! Такое хищническое отношение к земле «житницы Европы» повело к тому, что, тогда как в прежнее время средний урожай там был сам- 6—8, в 70-х годах он сделался сам- 3—5 ***.

«Между тем как в Новороссийских губерниях -при высоких рабочих ценах вольнонаемное хозяйство еще поддерживается и дает хорошие доходы, в Малороссии уже заявляются справедливые или притворные, но во всяком случае всеобщие жалобы о невыгодности хозяйственной эксплуатации»; и вот «господские запашки сокращаются, владельцы оставляют себе небольшие участки под такие культуры, которые наиболее истощают почву — табачные плантации, льняные посевы, — а остальные земли сдают в аренду». Арендаторами здесь, в отличие от Великороссии, являются крупные съемщики, по преимуществу евреи, берущие на долгие сроки, но не с целью ввести правильную культуру на капиталистическом основании, а для гешефта путем передачи земли крестьянам или иным способом ****. До чего самостоятельное крупное хозяйство лишено там почвы, видно, например, из следующих данных: в 1877 году в Черниговском уезде не было ни одного имения, ведущего хозяйство своими орудиями; в Борзенском уезде таких имений было 4; остальные практикуют скопщину. Около 73 имений этих двух уездов сдаются в аренду, и 40% арендованной

* * Землевладение и земледелие..., т. 1, стр. 514.

** «Слово», 1873, 3: «Общественно-экономические отношения в Юго-Восточной России» Гиляранского.

*** «Отеч. Зап.», 1879, 1: «Вопросы русского аграрного устройства» Заславского.

**** Землевладение и земледелие..., т. II, стр. 638—640.

земли попало в руки евреев, участие которых в этой отрасли промышленности год от году возрастает. Еврей дает наивысшую арендную плату, но зато и окончательно истощает землю: он не держит скота, полей не унавоживает, усадьбу не ремонтирует, вырубает вопреки договору лес и проч. * В Юго-Западном крае господствует та же оптовая съемка земель крупными арендаторами, которыми здесь являются тоже евреи и поляки-торговцы. Забрав землю в свои руки, они частью сдают ее по мелочам крестьянам, частью стараются извлечь из нее все соки, вводя культуры, которые при наименьшей затрате дают наибольшие ценности, как-то: бахчи, конопляники, лен и просо **. Дополним эти сведения данными, собранными комиссией для исследования сельского хозяйства и касающимися собственно улучшения культуры земли и введения машин, ограничиваясь великороссийскими черноземными губерниями и Новороссийским краем, как местностями, где еще господствует или по крайней мере держится хозяйство самих землевладельцев.

В этом отношении мы нашли только одну губернию, отзывы о которой более или менее согласны, это—Екатеринославскую. Здесь после реформы «ведется более обширное хозяйство и заведены машины» (доклады высочайше учрежденной комиссии VI, ответ № 3145), «у помещиков только в самые последние годы появились улучшенные орудия, да и то у немногих (Id. № 3090)»; способ обработки земли тот же самый, но только теперь стали пахать более тщательно (2978); изменилась уборка хлеба: завелось много паровых молотилок (2980). В Бахмутском уезде помещики пахут большей частью плугами Рамсена (2732), «в настоящее время ввиду дороговизны рабочих жатвенные машины становятся необходимостью», но они только что заводятся (2740), и помещики вследствие дороговизны рабочих все больше отдают землю в аренду (559—61). Итак, все с большей или меньшей определенностью указывают на введение машин.

Отзывы о других губерниях уже не отличаются таким согласием. О Херсонской, например, г. Абаза заявляет: «поля обрабатываются хищническим образом без какого-либо улучшения, без приложения знаний» и выражает опасение, что это может окончиться полным истощением почвы (3226). Г. Эрдели, напротив, объясняет, что «хозяйства частных владельцев улучшаются, что можно приписать употреблению машин», но, однако, прибавляет, что «в общем помещичьи запашки уменьшились» (3250—53). Это сделается понятным,

* «Отеч. Зап.», 1878, 10: «Евреи-арендаторы в Черниговской губернии» Варзера.

** Землевладение и земледелие..., т. II, стр. 640—642.

если узнаем от другого эксперта, что введение машин затрудняется неумением их починять (1746); тем не менее во всем Новороссийском крае введено до 1000 локомотивов. О других губерниях сведения еще менее определены. Так, о Саратовской г. Купфер заявляет, что хозяйства «за немногими исключениями не усвоили себе лучших приемов обработки (2543); машины есть в немногих имениях (1812), и помещицья земля нередко переходит в руки купцов (1808)». Г. Кривский хотя и говорит, что «за последние 10 лет помещицья хозяйства Саратовской губернии положительно улучшились», но на вопросы о высшей культуре и машинах не дает никакого ответа. Впрочем, о Поволжье вообще есть отзыв, что там в ходу молотилки и веялки, попытки же завести другие машины оканчиваются ничем (786). В Симбирской губернии «сельскохозяйственные орудия остались те же, какие были, может быть, при Рюрике»; введенные были машины заброшены в сарай; причины этого — господство экстенсивного хозяйства (1078); впрочем, в Корсунском уезде хозяйство несколько улучшилось, введены лучшие орудия (1278—86); в Сызранском заводятся паровые молотилки и др. (2108). В Харьковской губернии у крупных землевладельцев заметно значительное движение вперед, но не в деле более тщательной обработки земли или ее удобрения, а в более удачном пользовании урожаем: поэтому заводятся жатвенные машины, паровые молотилки, но не плуги, например (2273); в Сумском уезде почти все помещицья имения сданы крестьянам (314). В Курской губернии «есть хозяйства, которые улучшаются, но они составляют исключение»; «общий результат хозяйства — уменьшение производительности почвы, как в крупных имениях, так и у крестьян» (3197—4000); многие имения ради заводов перешли в руки купцов (2487). «Земледелие у большинства землевладельцев ведется до того хищнически разорительно, что не может быть и вопроса о том, улучшается ли оно» (2751); по словам другого, хозяйство находится в диком состоянии (2041), «относительно орудий представляется какое-то переходное состояние», хозяйство не развивается (2235—29); в Львовском уезде «обработка полей идет по прежнему способу, вообще же встречаются некоторые улучшения; встречаются усовершенствованные орудия: молотилки, сеялки». В некоторых частях Воронежской губернии вводится травосеяние, переложная система «стремится перейти в многопольную» (2662); «у всех землевладельцев Воронежского уезда есть молотилки и веяльные машины», улучшенные же пахотные орудия выходят из употребления за неимением благонадежных рабочих (308); в Валуйском уезде «в отношении обработки земли заметно некоторое улучшение», приобретаются паровые молотилки, сеялки (359). В Рязанской губернии «усо-

вершенствованные орудия не вводятся ни в крупных, ни в мелких хозяйствах (2608); сельское хозяйство падает, перемен в обработке земли нет. Орловские имения не усваивают себе лучших приемов обработки (2543); в Ливенском уезде паровая машина есть в одном имении, помещичьи запашки уменьшаются (400). В Тамбовской губернии усовершенствованные орудия есть только у любителей, много имений скупается кулаками (683—741); раздача земель в аренду столь распространена, что почти ничего не оставляется для собственной распашки; машины встречаются в единичных хозяйствах (812—23); см. также № 892; положение хозяйств ухудшилось (1687). Крупные землевладельцы Пензенской губернии до некоторой степени улучшают свои хозяйства: «многие затратили значительные капиталы на улучшенные орудия, некоторые ввели многопольное хозяйство». Нельзя того же сказать о средних хозяйствах (1172).

Мы бегло прошли всю свою житницу, и вот результаты нашего обзора: хотя почти всюду мы видим возвышение ценности земли и возрастание доходов, даваемых ею владельцам *, но ничто не позволяет нам сказать, что сельскохозяйственная культура прочно вступила в капиталистическую фазу своего развития ²³⁷...

ГЛАВА V

Крупное земледелие, капитал и сбыт продуктов сельского хозяйства за границу

Эту главу мы начнем оценкой значения третьей причины, выставляемой обыкновенно для объяснения зачаточного состояния крупных хозяйств — недостатка и дороговизны капитала. Что касается его недостатка, то эта жалоба раздается лишь по недоразумению, которое разрешается самими хозяевами. Так, например, г. Севастьянов, заявив, что одна из причин неустройства хозяйств в Юго-Западном крае — это «недостаток и даже отсутствие капиталов», через три-четыре строчки продолжает, что после освобождения крестьян «возник сильный поземельный кредит, явилась возможность получать большие ссуды, и землевладельцы увлеклись его возможностью, стали закладывать земли», но, вместо того чтобы, сократив свои личные траты, осторожно приняться за организацию хозяйства на новых началах, они повели дело крайне неумело, хотя и на широкую ногу, «продолжая при этом жить так же роскошно, как и прежде» **. Ермолов, перечисляя причины низкого положения сельского хозяйства в

* См. об этом же у князя Васильчикова,

** Сельск. хоз. и лес. 78, 3.

России, говорит: вопрос о капитале — «сторона едва ли не самая печальная и не наиболее тормозящая правильное развитие у нас сельскохозяйственного дела. Непомерная дороговизна и редкость капитала в России — факт несомненный...», но через строку он продолжает, что «раньше вемельные банки, во множестве учрежденные в течение последнего десятилетия, усердно снабжают деньгами всех тех хозяев, которые к ним обращаются»; однако, не говоря о дороговизне ссуды, «едва ли сколько-нибудь значительная часть капиталов, занятых в разных банках, действительно пошла на улучшение сельского хозяйства». Вспомним и о выкупных свидетельствах, по словам того же автора, «безвременно и в огромном большинстве случаев бесследно исчезнувших из рук наших землевладельцев *», и мы согласимся, что жалобы на недостаток капиталов по меньшей мере странны и придуманы лишь для наполнения чем-нибудь непроходимой пропасти, лежащей между владельцами крупных имений и рациональной сельскохозяйственной деятельностью. В самом деле, можно ли говорить о недостатке капиталов после того, как к 77 году помещики получили от правительства 400 млн. выкупной ссуды, кроме 300 млн., удержанных в погашение казенных долгов, и около 300 млн. от частных банков — это на 71 000 крупных и средних владельцев, имеющих 65 млн. дес. земли; в среднем, следовательно, каждый владелец получил около 10 000 руб. или по 12 руб. на десятину. Кредит не прекращается до самого последнего времени; так, в Волынской губернии в прошлом году помещики получили под залог своих земель 2½ млн. руб. Не более ли прав поэтому «Смоленский вестник», когда говорит, что «выкупная ссуда, обширный банковый кредит и, наконец, большие суммы, полученные за вековые леса, доставили помещикам вполне достаточный оборотный капитал», и если тем не менее они продолжают хныкать и роптать, то это значит, что их песенка спета, что им больше не помогут «ни исключительные законы для отношений помещиков к рабочим, ни сельскохозяйственные съезды и выставки, ни альгаузские или какие бы то ни было иные бычки».

Но если «недостаток» капитала есть только способ выражения каких-то скрытых явлений, совершающихся в области крупных хозяйств, то дороговизна его есть уже нечто реальное, так как и вообще, чем менее страна развита в промышленном отношении, тем выше у нее процент; а Россия представляет именно одну из таких отсталых стран. При нормальных условиях и естественном течении жизни дороговизна капитала столь же мало должна препятствовать развитию нашего сельского хозяйства, как дороговизна труда в Америке за-

* Организация полевого хозяйства, I, стр. 15—16, 43.

держивает процветание ее земледельческой и фабричной промышленности. Высокий процент не есть первичное явление, а естественный результат комбинации условий нашего производства и обмена, главнейшее из которых — дешевизна труда. Он явился как последствие нашей экономической организации и потому не может находиться в неустранимом антагонизме с нею, не может служить гибелью процесса, посредством которого сам он производится. Всякая отрасль промышленности, коль скоро она соответствует условиям места и времени, должна окупить затраты капитала, дать ему средний местный процент. Если же этого нет, если какая-либо форма производства затрудняется тем вознаграждением капитала, какое считается обычным в стране — это значит, что форма отживает свой век, что она превратилась в тепличное растение, не выносящее чересчур суровой для нее естественной обстановки, почему она и не в силах подняться на высоту, какой с большими или меньшими затруднениями достигают другие промышленные предприятия. Таким образом, жалрбы наших помещичьих хозяйств на дороговизну капитала могут служить одним из многих признаков их постепенного падения...

...В последнее время не только многие публицисты, но и наиболее мыслящие из наших агрономов начинают сомневаться в благоприятном значении и прочности большого отпуска русского хлеба за границу. Они видят как вредное влияние на почву однообразия культур, так и постоянно возрастающее соперничество на международном рынке между Россией, Америкой, Австралией и др.

Действительно, вывоз нашего хлеба за границу постоянно возрастает, так что с 16 млн. четвертей в 1872 году он дошел почти до 42 млн. в 1878 году. В том же направлении, но еще быстрее, движется и американская хлебная торговля. Достигли ли мы возможного предела своего отпуска или в состоянии еще усилить его — сказать очень мудрено; но зато несомненно, что Америка еще долго будет в силах развивать свою хлебную производительность не только путем увеличения успешности земледельческого труда, но и вследствие обращения к сельскому хозяйству все большего и большего количества лиц. (Известно, что положение фабричного рабочего и вообще наемника в Америке есть переходное к самостоятельному земледельческому занятию: вновь приехавший из Европы остается в этом положении несколько лет, после чего, скопив достаточную сумму денег, приобретает участок земли и становится земледельцем, очищая, таким образом, сцену наемного труда для своих преемников. Оттого-то заработная плата в Северо-Американских штатах и держится, не спускаясь, высокого уровня.) В таком случае естественно задаться вопросом: кто же явится потребителем этой

постоянно растущей массы зерна и не следует ли ожидать, что в более или менее близком будущем наступит, наконец, перепроизводство хлеба и кому-нибудь из бойцов на всемирном рынке придется очень плохо.

Что этот вопрос вовсе не праздный, что критический момент близок, может быть, даже наступил — доказательством тому служат следующие факты. Прошлый (1879) год был, как известно, для Европы очень тяжелым; вследствие неурожая ей недоставало для одного продовольствия хлеба слишком 42 млн. четвертей, и это постигшее ее бедствие дало возможность ее поставщикам нажать, выражаясь скромно, лишнюю копейку: одна Америка, например, отпустила туда 31 млн. четв. В текущем (1880) году обстоятельства изменились: насколько известно, урожай там лишь немного ниже среднего (в Англии и Франции на 10%, а, по последним официальным данным, сбор хлеба и в последней стране скорее несколько выше среднего), так что чужого хлеба на продовольствие понадобится слишком вдвое меньше прошлогоднего. Америка же не только увеличила в текущем году площадь под культурой хлеба на 1%, но и урожай там ожидался на 7% выше прошлогоднего, и предполагается, что к отпуску за границу будет готово около 35 млн. четв. Если подобное положение дел не приведет какую-либо из земледельческих стран к сельскохозяйственному кризису, так это потому, что в одной из них, России, кризис уже наступил раньше — наш неурожай 1880 года не только избавил Америку от конкурента на сузившемся международном хлебном рынке, но, может быть, откроет ей еще новый, хотя и временный, источник сбыта. Но, очевидно, что это дело чистой случайности (по крайней мере по отношению к международной торговле): будь у нас в текущем году обычный урожай — и Европа оказалась бы заваленной хлебом. Но если судьба распорядилась на сей раз иначе, то мы в полном праве ожидать через два-три года — когда мы станем оправляться от только что пережитого внутреннего кризиса и когда для нас получит особенную важность беспрепятственное течение внешней торговли — встретиться с новым чудовищем — отсутствием сбыта, которое может опять подорвать нашу сельскохозяйственную деятельность. Разве на наше счастье Европа перенесет еще раз неурожай, подобный прошлогоднему, или злая судьба настигнет, наконец, и нашу счастливую соперницу — заатлантическую республику. Но ведь обидно основывать свою обычную жизнь на чужом несчастье и неблагоприятно ставить свою судьбу в зависимость от такой случайности, как тот или другой сбор хлеба в Европе. А естественное течение общенародной производительности и торговли заключается в том, что предложение продуктов стремится возрастать быстрее спроса. До сих пор это отно-

силось главным образом к обрабатывающей промышленности и потому мало касалось России, как страны по преимуществу земледельческой; теперь же, по-видимому, этому закону капиталистического производства начинает подчиняться -и область земледелия, а в таком случае всего более придется пострадать нам, как сопернику, наименее подготовленному.

Производство хлеба достигло уже таких размеров, что, несмотря на неурожаи последних лет в России, предложение зерна на международном рынке даже в 1880 году превышало спрос на этот продукт...

...Итак, чем беспощаднее становится борьба за рынки, тем лучше каждая страна старается вооружиться, принимает меры увеличить свой сбыт, наряжает комиссии для исследования причин успеха той или другой нации. И интересно, что все озабочены одним и тем же, каждая страна считает другую своим более счастливым соперником; но ни одна не думает серьезно переменить систему, обратиться от производства на других к заботам о своих собственных потребностях. И неужели нам, хуже всех вооруженным, тоже вмешаться в общую свалку, имея в перспективе лишь ряд заушений то от одного, то от другого. Не благоразумнее ли устроиться таким образом, чтобы по возможности не нуждаться в других, а стараться об удовлетворении собственных потребностей. А как много еще таких потребностей у нашего народа! Но, чтобы вступить на этот путь действительно национального развития, нужно прежде всего дать народу средства удовлетворить всем его потребностям, иначе говоря, следует создать ему возможность трудиться на самого себя, что может быть достигнуто лишь энергичной поддержкой крестьянского хозяйства, земледельческого и кустарного.

Вывод отсюда тот, что экономическая политика России и стран, находящихся в аналогичных условиях, должна переменить свое основание. В прежние времена заботы правительств состояли в ограждении внутреннего производства тарифами и в отыскании для него внешних рынков. Поиски эти, при незначительном числе торгово-промышленных стран, обыкновенно (хотя и не без борьбы) увенчались успехом. Теперь же, т. е. начинающим свое развитие народам, о чуждых рынках нужно забыть — они заняты раньше вставшими соседями; одной же оборонительной политики для развития промышленности, очевидно, недостаточно. Приходится не только охранять внутренние рынки от иностранной конкуренции, но и заботиться об их расширении — иначе производство погибнет под тяжестью своих собственных успехов, т. е. не станет развиваться. Мы имели пример прусского правительства, в видах поддерживания молочного дела рекомендовавшего ввести его продукты в рацион войск и прию-

тов; но, очевидно, что не от такого расширения сбыта зависит развитие промышленности; дело не в замене одного продукта другим, а в увеличении потребления вообще, т. е. в повышении благосостояния массы населения. История последнего десятилетия нашей крупной промышленности прекрасно подтверждает это положение: несмотря на господство охранительной системы, несмотря на развитие у нас сети железных дорог, банковых операций и других условий безпрепятственного расширения капиталистического производства, последнее, как мы видели, сокращается, может быть, даже абсолютно, сокращается не только в деле привлечения на фабрики рабочих, но и в своих денежных оборотах. Всевозможные старания и заботы не спасли нашего крупного производства, и трагикомизм положения заключается в том, что разбилось оно, между прочим, именно о тот камень, который считался его надежнейшей опорой: обезземеление народа и стеснение его самостоятельного хозяйствования, вместе с быстро возрастающей податной тягостью привели его к обеднению и вытекающему отсюда сокращению потребления различных продуктов, а это отразилось на крупной промышленности сокращением ее оборотов²³⁸.

Следовательно, центр тяжести нашего промышленного строя должен заключаться в мелком народном производстве. Крупное долго еще будет играть в нашей жизни крайне подчиненную роль, какую, впрочем, в действительности оно играло всегда; но до сих пор мы усиливались поставить его на первый план, ради чего согласны были пожертвовать даже материальным обеспечением народа; тогда же оно и в сознательных мероприятиях общества займет место, соответствующее его действительному значению²³⁹.

Народное производство подымает голову не в одной России: исторические условия стесняют свободный полет капитализма повсюду. Если хотите, только одна Англия может быть названа страной чистого капитализма; в Америке в руках крупного капитала находится фабричная промышленность, земля же в большинстве случаев обрабатывается самими ее владельцами.

Во Франции мелкое земледелие не только преобладающе существует (наемные сельские рабочие составляют здесь всего 14% земледельческого класса), но и стесняет крупные хозяйства: фермеры жалуются на недостаток рабочих, несмотря на периодический наплыв их из Бельгии, Испании, Пьемонта и на увеличившееся употребление машин. Рабочий, зная, что в нем нуждаются, держит себя независимо, не выносит от хозяина ни малейшего замечания и то и дело грозит бросить работу. Это отбивает у капиталистов охоту посвящать свои труды и средства сельскохозяйственной деятельности, и многие фермы остаются незанятыми, а

арендная плата падает. Французские исследователи приписывая все это <*му обстоятельству, что количество сельских рабочих с течением времени уменьшается, отчасти вследствие превращения их в мелких собственников, частью же через отлив на фабрику. Что касается последней причины, то мы имеем основания усомниться в ее реальности. Если бы дело было так, если бы часть земледельцев отвлекалась фабриками, то приращение этого класса во времени происходило бы медленнее, чем размножается все французское население. Но мы замечаем совсем противоположное явление, дающее нам право с большим основанием сказать, что самостоятельное занятие земледелием обладает сильнейшей притягательной силой, чем наемные формы труда и что, следовательно, капиталистическое производство во Франции достигло, по видимому,, наивысшей ступени, доступной ему по условиям места и времени, и отныне ему предстоит развиваться, может быть, только интенсивно, увеличивая производительность труда, но не привлечением на фабрики новых рабочих. Именно, есть основания предполагать, что там уже происходит обратное движение рабочей силы от фабричного наемного труда к самостоятельному земледельческому и неземледельческому занятию ²⁴⁰. Так, во-первых, в промежуток 72—76 годов ежегодное приращение тридцатимиллионного населения Франции было 0,54% *; земледельческий же класс за это время возрос с 18 573 325 до 18 968 605** человек, т. е. на 455 480 чел., или на 0,6% в год. Земледельческий класс возрастает на 11% быстрее всего населения, что может совершаться за счет других классов. А так как выше мы видели, что число сельских наемных рабочих тоже убывает, то отсюда, естественно, приходим к заключению, что вопреки капиталистической теории во Франции совершается процесс расширения хозяйственной самостоятельности народа и распространение мелкого земледельческого хозяйства. Во-вторых, самое возрастание промышленного класса еще не означает распространения крупного производства: в последнее время в Париже (а вероятно, и в других больших городах Европы) все больше развивается мелкая ремесленная промышленность высшего порядка, основанная на большом искусстве рабочего (гравирование на стали, живопись на фарфоре, изделия из черепахи, слоновой кости, сафьяна, стекла, соломы, шерсти и т. п. «Искусная ручная работа занимает в Париже видное место; специальности выделяются все резче, и во многих отраслях производства промышленные заведения становятся все мельче» ***. Как видно, продукты

* Янсон, Сравнительная статистика, т. 1, стр. 343.

** Сельское хоз. и лес. 1880 г. № 7.

*** Тр. ком. по исслед. куст, пром., вып. 1, отд. III, стр. 58.

мертвой машины так пресытили рынок, что нарождающемуся населению нет более места на фабрике и ему приходится устраиваться вне ее, в области ручного труда, для чего он старается прельстить потребителя хитростью своих произведений. Естественно, что в стране, где простые предметы все приготавливаются машиной, такой свободный ручной труд должен был обратить свое внимание на предметы, требующие большого искусства и изящества отделки. Таким образом, мы имеем основание сказать, что не обезземеление крестьянина и не превращение его в фабричного пролетария, а, может быть, обратный процесс расширения мелкого самостоятельного хозяйства мы наблюдаем в настоящее время во Франции.

В 32-й главе мы даем более подробные сведения о состоянии мелкого производства на Западе, и здесь лишь напомним, как удивились немецкие ученые, когда статистическими исследованиями было обнаружено, что крупная промышленность в Пруссии вовсе не так развита, а мелкая не в таком упадке, как это привыкли обыкновенно считать, основываясь на положениях буржуазной политической экономии. И нам теперь до некоторой степени ясно, отчего это происходит, ясно, что в будущем процесс капитализации промышленности должен идти еще с большими затруднениями.

Обращаясь к нашему помещицкому земледелию, мы должны сказать, что с выводами, логически вытекающими из выше развитых положений, лишь наполовину согласны сельскохозяйственные публицисты. Они не могут не видеть опасности, угрожающей нашей хлебной торговле, но не отказываются от мысли о капиталистическом земледелии, рассчитывающем лишь на внешний сбыт, и измышляют для него новые пути, новую сферу действия. Так «Земледельческая газета», отчаявшаяся за нашу торговлю зерном, почти что утешилась и пришла в неописанный восторг по случаю удачного опыта перевозки летом 1880 года свежего мяса, предпринятого петербургской думой с целью его удешевления. «Комиссия по удешевлению мяса, состоящая при здешней городской управе, — говорит газета, — своим деятельным и живым отношением к делу оказала такую услугу населению столиц и городов и русскому скотоводству, важность которой верно оценить в настоящее время даже нельзя» *. «Вопрос о способах перевозки мяса имеет огромное значение не только как вопрос о снабжении столиц и больших городов, но и как вопрос об отпускной нашей торговле животными продуктами, а следовательно, и о развитии скотоводства и сельского хозяйства вообще». «В организаций перевозки мяса

* «Земледельческая газета» № 37, 1880,

заключается одно из средств вывести наше хозяйство из тех затруднений, которые созданы нам размножением вредных насекомых и сильной конкуренцией Америки в торговле хлебом» *. Затем даются цифровые указания на те перемены, какие должны произойти по проекту «Земледельческой газеты»: в 1878 году из южных портов отпущено пшеницы на 69 млн. долларов; на такую же сумму американцы отпускают мяса в Европу; «следовательно, если бы мы могли вытеснить на всемирном рынке американское мясо, то южно-русские хозяйства могли бы вовсе отказаться от производства пшеницы для заграничного отпуска» **

«Если бы могли вытеснить!» Но в этом-то и весь вопрос, который, впрочем, очень быстро разрешается публицистом, игнорирующим недавний урок, данный нам Америкой на всемирном хлебном рынке. Так как, видите ли, скот в Америке и Айстралии, по расчетам «Газеты», немногим разве дешевле нашего степного, а перевозка последнего в Европу будет стоить значительно меньше, то вот вам и весь сказ: «мы имеем широкую возможность успешно конкурировать с Австралией, если только мы сумеем (опять это предательское «если»!) воспользоваться новыми усовершенствованиями в перевозке мяса». Подумаешь, что все дело только и заключается в технических затруднениях, что достаточно построить вагон или пароход, не допускающий порчи мяса летом, и дело в шляпе: почва для нашего сельскохозяйственного прогресса расчищена.

Мы бы, пожалуй, и призадумались над доводами «Земледельческой газеты», отправились бы за нею в безграничную область «фантазий», если бы доводы эти не сопровождались постоянными «если», и если бы эти последние «если» не подтверждались отрывками из «действительности», например, историей снабжения мясом Петербурга, рассказанной в той же статье. История эта крайне характерна и очень ярко рисует наш доморощенный капитализм, которому предлагают преодолеть столько «если бы», да «если».

Наша Невская столица потребляет в год около 4 млн. пудов мяса, из которых 30—40% приходится на долю привозного (зимой — тушами), остальные $\frac{1}{3}$ составляет говядина местного убоя пригнанного живьем скота. Стоимость мяса, доставленного в Петербург тем и другим способом, различна, ибо перевозка пуда его живьем стоит, например, из Саратова 1 р. 22 к., из Таганрога 1 р. 78 к., перевозка же битого скота обойдется в 57 и 70 коп. за пуд; разница 65 коп. — 1 р. 8 к., смотря по расстоянию. Несмотря на это, оба сорта мяса мирно уживаются на одном рынке, причем

* «Земледельческая газета» № 30, 1880.

** Ibid., Яй 26.

продаются по одинаковой цене, разумеется, такой, которая окупает затраты на доставку живого скота. Т. е. капитал, затрачиваемый на снабжение Петербурга мясом, доставляемым туда тушами, приносит гораздо больший процент, чем какой дают другие предприятия, например, хотя бы привоз скота живьем. Капиталистическая экономия учит, что в таком случае капитал должен устремиться в эту выделяющуюся из общего уровня по доходам отрасль торговли; но указания этой науки обязательны лишь для истого капитализма, нашему же закон не писан, и потому происходит обратное тому, чему учит наука: вместо привлечения капиталистов к выгодной операции, они вытесняются оттуда монополистическими стремлениями. Так, в 1877 году 50% всей торговли скотом в Петербурге находилось в руках 6-ти скотопромышленников *; в настоящее же время 56% черкасского скота убивается двумя торговцами **. Можно ли после этого сказать, что у нас властвует капитализм, а не жалкая пародия на него?

И вот обладающему такими-то свойствами капиталу, неспособному вырвать жирный кусок из рук нескольких монополистов, предлагается конкурировать с Америкой; предлагается организовать в широких размерах дело снабжения мясом целой Европы, когда он не в состоянии сделать того же относительно одного Петербурга. Пуд мяса, привезенного недавно думой из Оренбурга, обошелся в 3 р. 75 к., а цены на него в Петербурге стоят 5 р. 50 к. — 6 р. 50 к.; капитал, затрачиваемый на операцию, приносит больше 50% в несколько месяцев, а у нас не находится предпринимателей, способных понизить цену даже ввиду такого солидного куша, а за дело снабжения города мясом должно было взяться общественное учреждение, руководимое, разумеется, не соображениями капиталистической наживы. И хотя все это предприятие весьма просто — нужно было лишь применить к нам то, что давно уже практикуется за границей — но это простое дело возвели в целое событие: о времени прихода поезда с мясом публикуется в газетах, встречать его собираются не только толпы простых смертных и мясоторговцев, но и министр. «Земледельческая газета» так обрадовалась, что подумает, нами открыта Америка! Предприятие это, по ее словам, «казалось многим непрактичным ***», кабинетным, фантастичным, применимым где-нибудь в Америке и Англии, но не у нас; теперь уж никто не будет разделять этого мнения. Пусть этот случай послужит новым доводом в доказательство возможности невозможного». Не знаю, были ли

* См. Тр. В.Э.О. 1878 г., № 5.

** См. «Землед. газ.» № 33, 1880.

*** Кстати, интересно узнать, как разрешит этот вопрос русская практика: мясо в Петербурге что-то не дешевеет!

лица, считавшие обычную в Европе вещь фантастичной, но из дифирамба «Земледельческой газеты» ясно одно, что нам еще далеко до Америки, если мы радуемся и славословим, как великое открытие, как доказательство «возможности невозможного», только попытку следовать примеру Запада, попытку, сказать кстати, не приведшую к цели — удешевлению мяса, так как пока мы собирались, наступили холода и наши хитрости сделались излишними; и соперничества не таких учеников нужно опасаться иностранному капиталистическому производству!

Если все дело заключается только в технической и финансовой возможности, то почему же в 1877 г. мы вывезли за границу 47 тыс. штук крупного рогатого скота, а Америка — 57 тыс., и как мы допустили последней увеличить свой вывоз в следующем году до 80 тыс., а затем до 136 тыс.? Дело очень просто: у нас в 1871—1876 гг. количество скота почти не изменилось, а в Северной Америке оно в период 1870—1878 гг. возросло на 30%, а в последние 3 года на 20%; в России на 100 жителей приходится около 75 штук скота (переводя мелкий в крупный) *, а в Австралии на 2½ млн. душ до 7 млн. голов крупного рогатого скота и 58 млн. овец**, т. е. относительно в 7—8 раз больше! Цена скота в России повышается, а в Америке за последние три года она упала на 25%***. И даже в тот самый момент, как «Земледельческая газета» фантазировала на тему вытеснения заатлантических стран с международного рынка продуктов скотоводства, наши соперники приступили к вытеснению России из ее собственных владений. Один из наиболее важных предметов нашей отпускной торговли — шерсть — не только становится в разряд второстепенных, но скоро должен будет принять оборонительное положение и на внутреннем рынке. Именно, тогда как в 60-х годах иностранная сырая шерсть привозилась к нам лишь десятками тысяч пудов и притом только высшие ее сорта, в 1876 и 1877 гг. привезено ее 200—280 тыс. пуд., а в 1878 г. — даже 450 тыс. пуд., в 1879 г. — больше 1½ млн. руб., причем совершенно обратно прежнему времени, мы получаем ее больше, чем пряденой. Но в последние годы случилось нечто гораздо худшее: в «Ведомостях Одесского градоначальства» объявлено, что 1 октября 1880 г. в Одессу прибыл из южной Африки корабль с грязной шерстью, предназначенной для московского торгового дома Владимира Алексеева. «Харьковские губернские ведомости» по этому поводу поясняют, что это уже не первый реприманд России; вообще с 1879 г. иностранные

* Ом. «Русская речь» № 5, 1880, ст. Янсона.

** См. «Земледельческая газета» № 25, 1880.

*** См. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1880, № 7.

покупатели не только показали равнодушие к дешевой (как бы то следовало по проекту «Земледельческой газеты») русской шерсти, что выразилось их отсутствием на шерстяных ярмарках, но сами предлагают доставлять нам необработанную, дорогую (по тому же проекту) шерсть; каковое предложение оказалось настолько выгодным, что склонило к изменническому по отношению к внутренней торговле шагу не только «польскую интригу» в лице привислянских фабрикантов, но и бесспорно патриотических обывателей матушки Москвы: она в прошлом году потребила 50 тыс. пудов этой шерсти и продолжает, как мы видели, выписывать ее и в текущем (80) году*. Не много утешительного найдем мы в торговле нашей с Западом и другими продуктами скотоводства. Так, животное сало принадлежит к самым старым и когда-то самым крупным статьям нашего отпуска, и уже к концу прошлого века вывоз его по европейской границе превышал миллионы пудов. Он продолжал возрастать и далее вплоть до 30-х годов, когда достиг слишком 4Va млн. пуд. в год. Отсюда начинается обратное движение: в 40-х и 50-х годах вывоз держится около 3 млн. пуд., в 60-х спустился на 2 $\frac{1}{2}$ млн. пуд. Причины уменьшения отпуска заключаются в замене сала в производстве другими веществами и в конкуренции по этой торговле Америки и Австралии. Страны эти «вытесняют наш продукт и дают цены, понижающиеся вследствие этого на всех наших сальных рынках»; если мы в свою очередь не найдем возможности понизить цену, то «будем вытеснены с рынка» **. Предсказание, сделанное 8 лет назад, теперь уже очень близко к исполнению: вместо 2 $\frac{1}{4}$ млн. пудов, отпускавшихся в 60-х годах, вывезено в 1874 г. 600 тыс. пудов, в 1876 г. — 665 тыс., в 1877 г. благодаря низкому курсу, усилившему вывоз по всем статьям, его отпущено 1100 тыс. пуд.; зато в 1878 г. отпуск упал до 619 тыс. пуд., а в 1879 г. — до 357 тыс. пуд. Но, что важнее, случилось неслыханное прежде явление: иностранное сало поступает на русские рынки и грозит внутренней торговле этим продуктом. Сначала оно привозилось понемногу — десятками тысяч пудов, — но теперь ввоз его начинает превышать вывоз: так по 1 августа настоящего (1880) года ввезено его к нам 545 тыс. пуд., вдвое больше, чем за то же время прошлого года, и в 4 раза больше, чем его за эти же 7 месяцев отпущено. То же почти отношение продолжалось и в следующие два месяца. Такой оборот не на шутку испугал наших салоторговцев: недавно московское купечество обратилось через посредство общества для содействия русской промышленности и торговле к министру финансов с ходатайством о нало-

* См. «Новое Время» № 1665, 1874.

** «Военно-статистический сборник Россия», отд. 1, стр. 728.

жении пошлины на привозное сало, ибо цены на туземное сало внутри России так возвысились, что оно не в силах больше конкурировать с заграничным. Министр обещал обратить внимание на ходатайство при пересмотре общего таможенного тарифа на привозные товары. А ведь сало и мясо — родные братья, их дороговизна и дешевизна определяются одними и теми же моментами; и невозможное дело, чтобы наши сельские хозяева, допустив уничтожение своей торговли одним из этих продуктов скотоводства, побили своего соперника на другом.

Вообще же русская внешняя торговля продуктами скотоводства движется в следующем направлении: отпуск их с 1852 по 1874 г. увеличился на 50%, а привоз — на 1000%; в 1852 г. привоз составлял 13% вывоза, в 1874 г. он возрос до 67% *. Теперь судите, насколько основательны ожидания, что наши помещичьи хозяйства вытеснят с внешних рынков мясо и другие продукты соперничающего с ними иностранного скотоводства.

Для успеха в торгово-промышленной деятельности недостаточно возможности устранения одного какого-нибудь препятствия, недостаточно иметь преимущество над соперником в том или ином отношении. При господствующей повсюду экономической организации, а в этом деле всего важнее капиталистические способности промышленного класса; технические, финансовые, общественно-экономические и другие условия в совокупности создают в каждой стране известную капиталистическую атмосферу, тон и такт, в силу которых всякие промышленные и торговые сделки и предприятия устраиваются очень легко и производятся с наименьшей затратой финансовых сил, с наименьшими потерями и наибольшей для предпринимателя выгодой. К достижению такого результата приспособлены все факторы промышленной жизни: кредит, пути сообщения и проч. То ли мы видим в России? Расходы по перевозке товаров, например, могут составить очень заметную часть их стоимости, и для успешности конкуренции весьма важна та или другая организация этого дела; особенно это имеет значение для таких стран, как Россия или Америка, раскинутых на многие тысячи верст, где подчас (как в России) продукту для иностранного рынка добрую половину пути к месту назначения приходится сделать внутри страны. Здесь при плохих и дорогих путях сообщения нечего и думать о конкуренции на всемирном рынке и степень промышленного прогресса страны вполне может определяться успехами, достигнутыми в способах передвижения, а промышленно-капиталистический гений наций на организацию перевозки обращает преимущественное свое

* См. Труды ВЭО, 78, 5.

внимание. Во II главе мы приводили факты, указывающие на различие в этом отношении России и Америки; дополним сказанное еще двумя-тремя примерами. Из доклада г. Черняева Вольно-Экономическому Обществу и вызванных им прений выяснилось, что условия перевозки товаров в России составляют одно из важнейших препятствий развитию нашего сельскохозяйственного машиностроения. Стоимость перевозки при среднем расстоянии по нашим железным дорогам составляет 10—12% стоимости машины и подымается иногда до 38%. Это обстоятельство препятствует широкому сбыту продуктов какого-либо завода внутри страны, является необходимостью децентрализовать производство машин, раскинуть его по территории поближе к потребителям, т. е. сузить рынок для сбыта изделий каждого завода. А это значит — подрезать крылья производству при самом его зарождении, заранее обречь его на жалкое существование, так как для достижения высокой степени технического развития необходимо прежде всего широкий сбыт продуктов. Это обстоятельство в числе прочих было причиной того, что наше сельскохозяйственное машиностроение вовсе не воспользовалось военным временем 1876—1877 гг., когда вследствие упадка курса ввоз машин извне уменьшился в 2—3 раза. Вместо того чтобы двинуться вперед, оно толклось на одном месте. По крайней мере, судя по прејскурантам, за это время не было открыто ни одной мастерской, способной производить грабли, рядовые сеялки, жнеи, косилки, паровые молотилки и проч., и мы теперь, как и прежде, вынуждены выписывать их из-за границы *.

Нужно бы ожидать, что дороговизна перевозки внутри России, препятствуя распространению сельскохозяйственных орудий внутреннего приготовления, должна тем более стеснять привоз к нам машин из-за границы. Однако практика показала иное: иностранные капиталисты сумели заставить русские железные дороги возить их товар дешево, и этим как бы наложили на наши собственные машины нечто вроде пошлины. Так, например, за провоз одного транспорта из Гулля в Москву уплачено 272 руб., а из Москвы до Нижнего за него взяли 275 руб.; переезд другого товара из Гулля же в Москву стоил 320 руб., а из последнего города в Самару он был доставлен за 1035 руб. Результатом таких порядков является то, что русским складам невыгодно брать на комиссию машины внутреннего производства, ибо на расходы по перевозке пойдет вся уступка, делаемая заводами складам, и последние распространяют у нас по преимуществу заграничные машины. Если кто-нибудь нам заметит, что сельскохозяйственное машиностроение дело у нас новое и что производи-

* См. Труды ВЭО, 80, 1.

тели не успели еще создать для него во всех отношениях благоприятной обстановки, то таковым илы укажем на нашу хлебную торговлю. Ее новой, надеемся, не назовет никто; с ней связаны, кроме того, весьма существенные интересы для русского капитала; ей угрожает конкуренция другого полушария, и русским производителям хлеба весьма важно принять все меры для возможного удешевления продукта. Следовало бы поэтому ожидать, что русский капиталист сумеет хоть в этой области устроиться сообразно своему званию и организирует доставку хлеба к портам найдешевейшим способом. И что же! Оказалось, что нередко способы перевозки, считающиеся повсюду самыми дорогими, являются у нас более дешевыми и скорыми, чем сообщение по железным дорогам. Ёкатеринославские отправители, например, утверждают, что возить товар в Харьков дешевле гужом, чем по железным дорогам; из Воронежской губернии доставка четверти хлеба в Таганрог стоит на фурах 20 коп., а по железной дороге 25 коп., вследствие чего из 4 млн. четвертей, доставляемых в этот город, 2 млн. привозится этим первобытным способом и т. д. *

Столь же беспомощной перед монополией является наша промышленность и в другом, весьма важном для нее вопросе. Толки о беспощадном истреблении лесов и необходимости по возможности ограничить употребление древесного топлива, в видах предупреждения полного оголения страны и сохранения для будущих поколений материала для древесных изделий, толки эти составляют такой неизменный предмет занятий нашей литературы, что успели, вероятно, уже порядочно-таки надоест читателю. Если не надоели, то, конечно, насмешили читателя такие, например, мероприятия к охранению лесов от уничтожения, как запрещение населению украшать березками здания в праздник Троицы. Некоторые, быть может, огорчились другими распоряжениями, направленными к достижению той же цели: прекращение бесплатного употребления леса крестьянами для своих, хотя и грошовых, но совершенно необходимых потребностей; запрещение северному крестьянину рубить подсеки, без которых ему при малых размерах постоянной пашни и необходимости в большом количестве скота для ее удобрения (северный крестьянин вывозит нд десятину до 8000 пудов навоза **), тогда как, например, для такой малопродуктивной местности, как Московская губерния, хорошим удобрением, недоступным вовсе для крестьян, считается 3400 пуд., что соответствует 6 головам

* См. «Русский курьер» № 242, 1880.

** См. «Сельск. хоз. и лес» № 6, 1878, «С крайнего севера Европейской России» Гомилевского.

скота *, обойтись невозможно и проч. Излишне, кажется, и прибавлять, что меры эти направлены против мелкого хозяйства и мелкого истребления лесов; крупное же не только остается свободным, но подчас и поощряется. Так, помещик может хотя сжечь свой лес для иллюминации, и если он этого не делает, то потому, что предпочитает его пропить и проесть; для усиления помещичьих ресурсов им дарят (под видом продажи или под своим собственным) взамен уничтоженных дач новые, поросшие даже корабельным лесом (как это не раз было заявлено в печати, например об Уфимской губернии), способным превращаться, как известно, в большие количества различных яств и напитков; крупным лесопромышленникам дозволяется ежегодно вывозить за границу лесу на десятки миллионов рублей, а крупным фабрикантам еще больше сжигать его для расширения своих оборотов, которые тем не менее туго расширяются**. Это, впрочем, не мешает господству у нас мнения, что существенную важность для нашего национального хозяйства составляет введение в наш повседневный обиход каменного угля как топлива. Зачем же стало дело? Россия изобилует обширными залежами этого вещества — бери и пользуйся! Но здесь-то и проявляется вся наша капиталистическая неспособность: предприниматели допускают существование такого явления, как привоз в Россию 80 млн. пуд. угля из-за границы. Имея обеспеченный сбыт этого продукта, которого у нас непочатый угол, на 20—30 млн. руб. сер. (съезд горнопромышленников 1873 г. в Таганроге определил еще в то время потребность России в угле в 175 млн. пудов; половина этого количества за 10—12 млн. рублей доставляют нам иностранцы), они не в состоянии собственными силами произвести операцию, передали ее почти всецело в руки иностранцев. И одной из причин этого служит плохая организация перевозки. Дело в том, что две южные дороги — Курско-Харьково-Азовская и Козлово-Воронежско-Ростовская — находятся в руках Полякова, который эксплуатирует и часть каменноугольных копий на юге. И вот указанные железные дороги почти вовсе не перевозят другого угля, кроме Поля-

* См. «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. 1, стр. 97.

** Запрещение крестьянам пользоваться лесом для своих потребностей привело, с их стороны, к необходимости практиковать не совсем похвальные приемы. Так, Устьсысольские (Вологодской губ.) зыряне целой общиной тайно рубят в лесу подсеки, готовят их под посев, сообща убирают хлеб и делятся урожаем. Если на несчастье на такую подсеку набредет лесное начальство — пропали труды! Хлеб, как никому не принадлежащий, убирается и продается в пользу казны. Известно также, что вследствие недостатка у крестьян леса многие необходимые для них отрасли кустарной промышленности существуют лишь благодаря краденому материалу. Видно, английскому фабриканту лес нужней, чем русскому земледельцу и кустарю, если мы с такой готовностью лишаем этого материала последнего в пользу первого!

ковского, с места его добычи на север, не перевозят частью, вероятно, в интересах своего хозяина, частью же потому, что не успевают удовлетворить всем предъявляемым требованиям. В Америке дело бы разрешилось очень просто: рядом с существующей дорогой проложили бы новый путь: но Россия — не Америка! «Местные землевладельцы понимают, что для получения какого-либо дохода от угля, залегающего в недрах их земель, необходимо устроить самостоятельную железную дорогу, идущую параллельно Поляковской, и даже не одну, а целых две». А если понимают, то почему же не устраивают? «Сами землевладельцы не имеют теперь ни денег (значит прежде⁴ имели, да прокутили), ни опытности (которой тоже у них хватало для постройки на земский счет никому не нужных железнодорожных путей) для проведения особой железной дороги, и вся их надежда переносится на правительство» *. Чуть предприятие хоть несколько выдается из уровня жалкой посредственности, наш капиталист покорно склоняет свою при других обстоятельствах гордую голову и умоляюще глядит на государство: ему это не под силу, без казенной поддачи он — нуль, он погибает.

И вот при таких-то внутренних и внешних условиях нашему капиталу, пасующему перед железнодорожными монополистами, перед Поляковым, кучкой мясоторговцев и пр. и пр., предлагают ни больше ни меньше как отвоевать у Америки европейские рынки! Не очевидно ли, что все рассуждения на эту тему суть не что иное, как игра праздной фантазии? Америки нам со всемирного мясного и всякого другого рынка не выжить, а уступить ей поле хлебной торговли несомненно придется. А в таком случае нашим крупным сельским хозяйствам не остается ничего другого делать, как ликвидировать свои дела, отказаться от сельскохозяйственной деятельности, которая и перейдет всецело в руки крестьян. Исход этот никому не должен казаться неожиданным: весь двадцатилетний послереформенный период длилась у нас борьба мелкой земледельческой культуры с крупной, и внимательный наблюдатель ни на минуту не мог усомниться, в чью пользу клонила победа.

Впрочем, окончательный исход этого дела еще впереди. Теперь же по поводу текущих событий мы можем прибавить, что успешно соперничать до поры до времени с заатлантическими странами Россия будет в состоянии лишь под условием уничтожения крупной земледельческой культуры; или, если хотите выразить это иначе, постоянное понижение цены хлеба на внешнем рынке вследствие американской конкуренции поведет к тому, что наши владельцы будут получать все меньше и меньше прибыли от сельскохозяйственной

* Труды ВЭО, 80, 7.

деятельности и станут уступать последнюю крестьянам, ограничив, таким образом, свое участие в земледелии получением ренты. Произойдет это путем следующего ряда экономических явлений. Производительность американского земледелия благодаря быстро развивающемуся применению к этой отрасли машин, происходящему в свою очередь вследствие большой дороговизны труда, постоянно возрастает. Рабочая плата в Америке достигла таких размеров, что большая половина европейских стран не в состоянии была бы вынести чего-нибудь подобного; несколько приближается к ней разве только вознаграждение английского работника. Так, по сведениям, собранным американскими консулами, получает в неделю марок (31 коп.):

	Германия	Италия	Франция	Англия	Нью-Йорк
Мясник.....	15,4	16,8	21,6	29	32—48
Бочар	13,2	13,3	28	29,1	48—64
Поденщик, носильщик и проч.	11,7	10,4	—	20	24—36

Американский рабочий, как видите, получает вдвое и втрое больше европейского; земледельческий нанимается за 10—30 долл, в месяц (на хозяйском содержании), что по курсу будет 20—60 руб. Естественно, что окупить такие издержки возможно только при высокой производительности труда, и это обстоятельство служит, в свою очередь, стимулом к постоянному прогрессу в деле применения машин. Так, обыкновенная американская ферма в 160 акров (около 50 десятин), потребовавшая бы для своей эксплуатации в Германии, по словам ольденбургского хозяина, 3—4 батраков мужчин и 2—3 женщин, может вестись там одним хозяином-мужчиной, прибегающим к посторонней помощи лишь летом; но и тогда все необходимые операции совершаются им с одним рабочим, молотба же машиной производится при участии соседей-помочан. Машины составляют столь обычное явление в американском хозяйстве, и приобретение их обставлено такими удобствами, что покупают их, пожалуй, даже больше, чем нужно *.

При таком направлении американского сельского хозяйства естественно, что хлеб достается янки дешевле нашего, и они имеют полную возможность в видах вытеснения нашего зерна постоянно понижать его цену на заграничных рынках. Русские же хозяева с течением времени получают хлеб чуть-ли не дороже, ибо применение машин в нашем хозяйстве идет очень

* «Сел. хоз. и лес.» 80, 7,

медленно и не может быть быстрым уже в силу существующей дешевизны ручного труда.

Рядом с такой почти полной неподвижностью русской земледельческой техники происходит постоянное понижение урожаев от истощения почвы. В самом деле, курьезный факт, что житница России и когда-то Европы, обладающая благодатной почвой, дает, однако, в среднем меньший урожай, чем наш бесплодный север: по вычислениям г. Янсона, северные губернии получают 7,6 гектолитра с гектара, а степи — 4,4 до 5,3 гектолитра. И эти-то степи претендуют прокармливать Европу!

Все это вместе позволяет сделать заключение, что, тогда как в Америке добывание хлеба с течением времени совершается с меньшей затратой человеческой силы, нашему хозяину хлеб достается все дороже и дороже; иначе говоря, вместе с вздорожанием хлеба на месте производства идет понижение его стоимости на внешнем рынке сбыта. Превышение его цены над издержками производства, составляющее прибыль предпринимателя, становится все мизернее и в очень скором времени дойдет до таких размеров, что уже перестанет привлекать к земледелию капиталистов; производство хлеба в таком случае будет переходить в руки, довольствующиеся **minimum'ом** прибыли, готовые в случае надобности даже вовсе от нее отказаться, а такие руки принадлежат исключительно рабочему производителю. Он теперь получает все или часть средств существования продажей своего труда, он и в качестве самостоятельного земледельца (на своем и арендованном участке) будет в состоянии до тех пор работать на иностранцев, пока цена хлеба не упадет ниже уровня, обеспечивающего ему среднюю в стране заработную плату.

Итак, если наша заграничная торговля хлебом упадет, то с нею рухнет и помещичье земледелие, которое перейдет тогда всецело в руки крестьян; если же еще возможно подождание вывоза из России хлеба, то опять-таки не иначе, как под условием ликвидации помещичьего хозяйства. Какое бы направление наша международная торговля ни приняла, в обоих случаях неизбежно исчезновение крупной сельскохозяйственной культуры.

Это, вероятно, отразится очень благотворно на благосостоянии нашего крестьянства, так как по всей вероятности поведет к изменению в его пользу правительственной экономической политики. До сих пор государство имело перед собой две системы земледельческой культуры: мелкую и крупную, и два класса лиц, их представляющих. Интересы обоих классов не совпадают: крестьянские выгоды требуют расширения их хозяйственной самостоятельности, интерес помещика настаивать на недостаточности крестьянского надела для обес-

печения его быта, иначе некому будет наниматься обрабатывать владельческие земли. Государство, имея дело с такими противоречивыми требованиями, принуждено колебаться в своей экономической политике: современные фискальные его интересы вызывают о поощрении (народного труда, ибо народ в узком смысле - слова несет на себе почти всю податную тягость; пример же запада показывает, что государство может быть богато и при потере народом его экономической самостоятельности, даже больше — что высокоразвитая промышленность, ведущая к национальному богатству, образовалась там Именно на почве труда наемного. А так как богатая нация в западноевропейском смысле слова может служить достаточно прочной опорой и для финансового благоденствия государства, то последнее имело у нас достаточно побудительных причин стремиться к поддержанию у себя капиталистического производства. Если последнее поведет к потере массой народа его хозяйственной самостоятельности, зато лишь этим путем может быть достигнуто развитие производительности труда, т. е. поднята национальная промышленность, образовано богатое и сильное не одной своей массивностью государство.

Таким приблизительно соображениям обязаны мы тем, что до последнего времени не предпринималось ничего основательного для увеличения крестьянского землевладения, организации переселений, народного кредита и пр.

Если же история покажет, что следовать примеру Запада в России невозможно, если государство увидит, что крупное хозяйство без всякого насилия само отказалось от культурно-исторической роли, сыгранной им в Европе, если, таким образом, и в будущем, как в настоящем, финансовые интересы государства будут всецело покоиться на благосостоянии массы рабочего народа, доходы первого останутся в прямой зависимости от благосостояния последнего, — в таком случае выбор государства легок. Стать на сторону помещичьего класса, т. е. игнорировать потребности самостоятельного крестьянского хозяйства, значило бы принести в жертву кучке людей, не имеющей никакого общественно-экономического значения, отказавшейся добровольно от какой бы то ни было культурно-экономической роли (ибо получать ренту не значит играть активную экономическую роль), не только благосостояние народа, но и будущие интересы государства. Можно было бы попробовать оставшемуся за штатом экономической жизни классу дать политическое значение, если бы последнее возможно было без экономического влияния, если бы наши землевладельцы представляли из себя к тому же нечто органически цельное, если бы они выказали раньше хоть какие-нибудь политические способности, представляли всерьез претензию на политическую роль в будущем.

Но как бы, впрочем, ни решался вопрос политический, какое бы значение ни придавало государство тому или другому классу, как юридической единице, оно не может отказаться от убеждения, что при низкой степени промышленного развития страны немыслимо высокое положение государства среди своих соседей; поэтому политические планы не будут препятствовать его экономической деятельности, не будут мешать его заботам о поднятии национальной промышленности. А так как последняя, к нашему счастью, силою истории отождествилась у нас с народной, так как в земледельческой, по крайней мере, области капиталистическое производство заменяется крестьянским, то и экономическая политика правительства по необходимости будет построена на принципе покровительства мелкому крестьянскому земледелию.

Повторим еще раз: достижение высокой степени благосостояния народа на почве самостоятельного крестьянского производства (будь оно мелкое или крупное, все равно) вот задача, которую должно преследовать русское общество...

...Итак, вопрос об улучшении русского сельского хозяйства есть вопрос второстепенный, подчиненный другому, более важному—о возвышении народного благосостояния. Так как последнее может быть основано только на упрочении крестьянского самостоятельного хозяйства и так как, кроме того, принцип капитализма отживает свой век, а у нас капиталистическое производство все больше теряет под собой почву и рано или поздно зачахнет, не давши полного цвета, то вопрос о русском земледелии составляет частный случай вопроса о крестьянском хозяйстве вообще. Заботы о возвышении сельскохозяйственной культуры, иначе говоря, об увеличении производительности народного земледельческого труда, должны быть согласованы с мерами, направленными вообще к поднятию народного производства.

С этой точки зрения может оказаться, что, как эти вопросы поставлены русской официальной интеллигенцией, между ними не сохранено должной пропорциональности, не выяснена их взаимная зависимость, и потому они дальше словопрений и словописаний не подвигаются. Мы не имеем намерения обсуждать здесь нужды русского народа, насколько они могут быть объектом общественных мероприятий, но уж, если подошли к этому вопросу, не можем не заметить, что центр его тяжести в настоящий момент лежит вовсе не во всеобщем изменении интенсивности систем земледелия. Это, во-первых, потому, что даже при благоприятных обстоятельствах агрикультурная реформа не может быть произведена правительственным вмешательством, а, во-вторых, есть отрасли народного труда, не менее земледелия нуждающиеся в поддержке. В наших даже наименее плодородных земледельческих губерниях доходы от сельского хозяйства, не-

смотря на то что крестьянин принужден продавать продукты далеко ниже их стоимости, удовлетворяют около половины всех потребностей народа, между тем как тратит он на него здесь менее половины своего рабочего времени *. Это значит, что как бы малопроизводителен ни был сельскохозяйственный труд крестьянина, но он все-таки дает ему больше, чем его сельскохозяйственное занятие; а потому, коль скоро зашел вопрос о поднятии успешности народного труда, то главное внимание должно быть направлено не на ломку сельскохозяйственного производства, а на устранение общих препятствий, стесняющих народную деятельность.

Мы этим не хотим сказать, что наше земледелие находится в удовлетворительном положении, а желаем строго разделить две стороны производительности народного труда: технические условия, изменение которых не находится во власти правительства, и общественно-экономические, регулирование которых и составляет прямую обязанность власти. Технические успехи достигаются общим культурным развитием страны, которое совершается крайне медленно и на которое правительство может оказывать лишь косвенное влияние. Но в каком бы положении ни находилась техника народного производства, это не должно влиять на социально-экономическую его обстановку; пусть наш народ стоит на низкой ступени промышленного развития, какое же здесь может быть основание для того, например, чтобы оставлять его под бременем непосильных платежей, прикреплять насильно к одному месту, закрывать доступ на свободные земли, отдавать на расхищение кулакам и аферистам его богатство! Не очевидно ли, что техническая сторона производства сама по себе, а общественно-экономическая его обстановка представляет самостоятельный фактор, что народ может лишиться большей части продуктов своего труда в пользу непродuctивных классов при высоком развитии промышленности и сохранить их в своих руках — при низком. Не очевидно ли также, что прямую задачу правительства составляет регулирование отношений труда к земле, капиталу, распределение финансовой тягости между классами общества, организация кредита, если это недоступно частным лицам и т. д., а не заботы о системах полеводства, замене ручного труда машинным и т. д.²⁴¹ Пока социально-экономическая обстановка народного труда не организована должным образом, излишне было бы побуждать правительство принимать меры к возвышению технической части, которая будет развиваться главным образом путем самостоятельности частных лиц и

* Хотя сельскохозяйственные работы продолжаются не менее полугола, но принимает в них участие не вся крестьянская семья: некоторые ее члены занимаются дома или на стороне подсобным промыслом.

мелких общественных единиц. Такой способ действия, не давая ощутительных результатов, отвлекает, однако, внимание правительства от более важных задач к мелким действиям, вполне доступным для мероприятий других общественных учреждений. Литература в свою очередь должна постоянно останавливать внимание правительства на необходимости организации общественно-экономических условий народного производства и настаивать на второстепенности технологической его части. К последней можно безопасно возвратиться лишь в том случае, если устранением главнейших препятствий первого рода, стесняющих народный труд, правительство смело выступило на дорогу, идти по которой его прямое назначение. Какова же задача настоящего момента?

Мы видели, что неурядица русского экономического быта главным образом обуславливаются именно противоречием экономической политики правящего класса и общим течением жизни. Последняя требует уничтожения капиталистического производства и выдвигает на первый план народное. Одновременное процветание обоих немислимо, и помощь, оказываемая одному из них, воздвигает препятствия развитию другого. Устраняясь от оценки достоинств той и другой системы производства, следовательно от субъективного к ним отношения, всякий согласится, что, чем легче и скорее произойдет неизбежная перемена, тем лучше для общества, и, наоборот, затормаживание естественного хода вещей, не приводя к желанной цели, способствует лишь болезненному развитию нового организма. Поэтому и покровительство отживающему капиталистическому производству не делает его заметно прочнее и устойчивее, но тем не менее служит причиной чахлого развития народного промысла, который не уничтожается, продолжает даже распространяться дальше, но принимает уродливые формы. Все меры, имевшие своей задачей обеспечить крупных землевладельцев дешевым трудом и капиталом, не послужили к процветанию капиталистического хозяйства, не прервали естественного, вызываемого общим направлением жизни распространения мелкой сельскохозяйственной культуры, но понизили уровень и изуродовали форму этой последней. Отрезки, например, крестьянской земли, стеснение их переселения на свободные казенные угодья и проч. не создали высокой помещичьей культуры, даже не обеспечили ей достаточного числа рабских рук, хотя и заставили крестьян продавать свой труд вдвое дешевле, лишиться необходимого скота, закабалиться кулаку. Процесс капитализации производства остановился у нас на одной ступени и не идет дальше; мелкая промышленность работает у нас не на трудящегося, а на кулака, т. е. появился элемент, имеющий экономическую возможность организовать мелких ремесленников в крупные промышлен-

ные единицы; но он в большинстве случаев и не думает приступить к выполнению миссии третьего сословия, не думает, потому что это противоречит общему направлению жизни, потому что уже пропущен благоприятный для этого исторический момент. Следовательно, и закабаление народа кулаком, имевшее когда-то (на западе) свое историческое значение и оправдание как первый шаг к развитию высшей формы труда, в наше время и в нашей стране служит препятствием промышленному прогрессу.

Будем же хоть раз искренно прогрессивными, взглянем истине прямо в глаза, вместо того чтобы украдкой заглядывать с той и другой стороны. Там мы узнаем, что капиталистическое хозяйство гибнет естественной смертью, а должностующее занять его место народное искусство держится в черном теле: Этим определяется и наше отношение к тому и другому; оставим мертвым хоронить мертвецов и позаботимся о возможном развитии живого. Что делать, если крупные хозяйства обречены на гибель! Постараемся, чтобы мелкое не пошатнулось в этом крахе. Опасность, ему угрожающая, состоит в том, что аферисты всякого рода, пользуясь привилегиями, связанными с крупным владением, искусственно поддерживаемым ради его исторической миссии, но избавленные текущим моментом от выполнения присущей капиталу, задачи (организация общественной формы труда), имеют полную возможность заставить мелкого производителя платить себе дань. Так как это порабощение массы мелких производителей одному капиталисту не имеет у нас никакого смысла, не поведет к созданию высшей формы труда, а служит лишь способом набивания кармана некоторых, всего менее достойных общественной поддержки личностей, то процесс этот не находит себе оправдания ни с какой точки зрения, исключая разве кулаческой, не может быть поддерживаем ни одной партией — будь она либеральная, консервативная или ретроградная. Поэтому вряд ли можно искренно возражать против дополнения программы экономических реформ, принимаемой почти всей литературой (увеличение крестьянских наделов, уменьшение податей, организация переселений и проч.), следующим пунктом: оставить попечения и заботы о поддержании крупных хозяйств; принять меры, чтобы земля, уходящая из уставших держать ее рук прежних владельцев, миновав объятия кулаков, непременно попала к жаждущему ее мужику. Прибавим, что, по нашему мнению, последнее не может быть достигнуто в сколько-нибудь значительных размерах организацией мелкого долгосрочного кредита; задача эта под силу только правительству, и всего лучше, если бы земля приобреталась казной и передавалась лишь в постоянное пользование, но не в полную собственность земледельца ²⁴².

Экономический упадок

...Формула промышленного прогресса, выработанная Западной Европой для того, чтобы сделаться универсальной, требует некоторых ограничений и поправок. Формула эта такова: *развитие производительности труда путем организации его общественной формы под руководством капитала*. Существенная часть этого положения, его содержание, заключается в развитии производительности труда, это последнее может быть достигнуто путем его обобществления, но мыслимо в очень многих, по крайней мере, случаях или для многих производств и без комбинации мелких мастерских в крупные; наконец, сама общественная форма труда в тех случаях, когда она необходима, может быть достигнута как артельным или правительственным путем, так и при посредстве капитала. Следовательно, капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность и во всяком случае участие капитала в процессе считали *conditio sine qua non* экономического развития страны. Очевидно, что мы сильно увлеклись примером Запада, и разочарование, испытанное нами, когда мы попробовали прикинуть к России шаблон западноевропейской организации, не должно омрачать наши надежды на развитие у себя производительности труда; поражение, испытанное в России капитализмом, не есть смертный приговор истории родной нашей культуре; это явление не служит доказательством косности и неспособности русских к прогрессу, а должно считаться благоприятным признаком, доказательством возможности для нас достигнуть участия в общечеловеческой цивилизации, воспользоваться всеми чистыми благами последней, не прививая к себе ее вредных сторон, не проходя той ступени экономического развития, на какой стоит в настоящее время Европа, и которая, по мнению некоторых ученых и публицистов, служит основанием всех зол, составляющих темную сторону цивилизации.

Во избежание всяких недоразумений прибавим, что такой результат, такое отступление России от исторических форм Запада произошло, по нашему мнению, не в силу каких-либо расовых особенностей русского народа. Оно есть естественное последствие тех условий, в каких теперь находятся друг к другу различные страны: стеснение международной торговли, развивающееся по мере привлечения к прогрессу новых народов, создает для молодых стран все большие и большие затруднения пышному расцвету у них капиталистического производства. Наша особенность состоит в том, что мы

после других вступили на путь прогресса, и эту особенность со всеми ее последствиями разделяют с нами и многие другие славянские и неславянские народы. Мы счастливы еще и тем, что до настоящего времени сохранили у себя такие общечеловеческие черты характера и учреждения (артельный дух, община), которые другими народами давно уже утрачены и которые придется им опять завоевывать.

Итак, в промышленной жизни России за последнее десятилетие мы заметили относительный упадок мелкой промышленности и абсолютный — крупной капиталистической. То и другое явление, несмотря на совершенно различное значение, какое они имеют как предтечи будущей судьбы обеих форм промышленности, произошло от одной причины — обеднения народа. Стесненное во внешнем сбыте крупное производство могло бы без явного позора тянуть у нас свое существование при обширном внутреннем рынке. При общей сумме вывоза 400—500 млн. руб. и таковом же приблизительно обороте фабричной промышленности мы отпускаем продуктов последней всего каких-нибудь 10—20 млн. руб., очевидно, что процветание этой формы промышленности в России немыслимо без возвышения благосостояния массы народа, создающего запрос на продукты капиталистического "производства. Улучшение же материального благосостояния народа не может быть достигнуто при господстве последнего, ибо всякий его шаг вперед при невозможности расширить рынок пропорционально увеличению количества продуктов — каковое неизбежно явится, если бы все мелкие ремесленники, лишаемые развивающимся капитализмом своей самостоятельности, были привлекаемы к производству в качестве наемных рабочих, — всякий его шаг станет сопровождаться уменьшением числа работающих, лишением части населения заработка.

Итак, капиталистическая организация, попытавшись утвердиться в России, вступила в своего рода заколдованный круг: для ее процветания необходимо богатое население, но каждый ее шаг на пути развития сопровождается обеднением последнего; развитие капиталистического производства ведет к обеднению народа, а это обеднение подрывает существование указанной формы промышленности ²⁴³. Круг этот мог бы быть разорван, если бы крупное производство, пока оно не основано на артельных началах, отмежевало себе область, из которой не пыталось бы выйти. В таком случае оно не только существовало бы без тревожений и опасений за свое будущее, но и сослужило бы великую службу стране. Есть много отраслей труда, где крупная организация производителей составляет в настоящее время техническую необходимость: железные дороги, пароходы, горное дело, машиностроение и т. п. не могут существовать в ремесленной фор-

ме — пусть эти отрасли и остаются в ведении крупной организации. Да и то сомнительно, чтобы таковая явилась здесь по милости капитала, и чуть ли не неизбежен переход этих отраслей производства в руки правительства.

Итак, даже нашего краткого обзора современной экономической жизни достаточно, чтобы констатировать, что выдающимся явлением последнего десятилетия, определяющим направление промышленного развития страны, было обеднение народа. Оно имело последствием сокращение земледелия и оборотов крупного производства, переполнение кустарных промыслов работающими, поведшее к запружению рынков товаром, ненормально быстрое возрастание предложения труда, результатом каковой совокупности явлений оказалось сокращение народных заработков и переживаемый нами теперь кризис. Отчего же произошло обеднение народа? Есть ли это неизбежное последствие влияний, оказанных на наш быт прежними дореформенными порядками, наследие, полученное от прошлого, или немалую роль играли в этом процессе и различные мероприятия последнего времени, следовательно, ответственным лицом за результаты являются те, кто был зиждителем мероприятий, так называемое общество? И в последнем случае, где заключалась основная ошибка, поведшая ко всему остальному? Насколько, наконец, виноват здесь сам народ, своей косностью допустивший такое разложение, не противопоставивший бедствию свою общинную солидарность, не поддерживавший отдельных членов мирской организации, пустивший их бороться за существование врасыпную, вместо того чтобы заставить еще теснее сомкнуться? Не доказывает ли это, что способность народа к самостоятельности и его общинная организация, приобретенные им в продолжение тысячелетней истории, спасшие личность крестьянина от окончательного порабощения во время крепостного права, — все, в чем сохранились оригинальные черты, выгодно отличающие простой народ от беспринципного общества, что все это оказалось отжившим, негодным для новой жизни, в какую вступила страна после реформы, и потому рассыпавшимся в прах перед лучом света истинной цивилизации?

Говорят, что основная причина современных бедствий заключается в малой производительности народного труда: в кустарной промышленности до сих пор господствуют допотопные приемы и орудия, в земледельческой продолжается процесс истощения почвы, несмотря на то что уже давно наступил момент, когда необходимо перейти к высшей сельскохозяйственной культуре. Доколе не совершатся требуемые жизнью преобразования, пока не увеличится количество продуктов, добываемых каждым отдельным производителем, до тех пор народ не выйдет из бедности, ибо растущие потреб-

ности государства требуют постоянного возрастания жертв, приносимых в его пользу народом.

Согласны, что производительность нашего труда крайне низка сравнительно с европейской и что необходимым элементом прогресса должно быть и ее повышение. Допустим, что и ответственность за эту низкую производительность в прошедшем не ложится ни на один слой русского общества; история поставила нашу страну в хвосте цивилизации, а пути, какими был связан народ, чтобы не убежал с барского поля, не могли способствовать развитию его производительных сил. Но нужно признать также, что все это должно было иметься в виду, когда приступали к реформам, когда ожидали громадного роста государственных расходов. Малая производительность труда есть то необходимое в социальной обстановке России, с чем должен считаться всякий, желающий так или иначе воздействовать на текущую жизнь. Судьбы этой не могло избежать и правительство в своей преобразовательной работе. Правящим классам следовало понимать, что подобные изменения в народной жизни не совершаются по-сказочному, что этот процесс требует для своего завершения многих десятилетий, даже веков, что он составляет притом одну из главных задач, преследуемых и государством, словом, что повышение производительности труда может быть достигнуто только совокупными усилиями народа и государства. Поэтому обременение страны новыми расходами должно было развиваться параллельно с успехами, достигаемыми на пути возвышения производительности труда; преобразования, требующие больших расходов, должны следовать за реформами, способствующими подъему производительных сил страны: лишь в таком случае они будут вынесены ею легко, уплачены так сказать из доходов, а не оборотного капитала, т. е. в ряде реформ, нам предстоявших, нужно было соблюсти известную последовательность, в которой первые места принадлежали бы таким положительным и отрицательным мерам, результатом которых было бы увеличение производительности труда, а затем уже можно было бы приступить к таким, которые отражаются на плательщиках главным образом возвышением финансовой тягости.

В прежнее время таким плательщиком был народ. С наступлением эпохи преобразований следовало определить направление, в каком пойдет наше экономическое развитие и которому предполагало покровительствовать правительство: станет ли оно поддерживать народное самостоятельное хозяйство, способствовать развитию общественной формы труда на артельных началах или примется создавать крупную промышленность, организуемую капиталом. Какой путь избрать, это зависело от общего развития нашего общества, интенсивности эгоизма привилегированных классов, влияния, ка-

кое эти классы, а также журналистика оказывали на правительство, способностей и проницательности лиц, стоящих во главе реформационной партии. Но раз избран тот или другой путь, раз было решено, что основанием нашего дальнейшего прогресса послужит народное или капиталистическое производство, то все тяготы по преобразованию должны быть возложены на это избранное детище. Этого требует не только справедливость, но и простой расчет: если в будущем все усилия государства направляться на развитие, например, капиталистического производства, если поэтому интересы мелкой промышленности будут игнорироваться, что, естественно, поведет к ее упадку, то, коль скоро она служит главным или единственным источником государственных доходов, ее упадок отразится и на последних. Поэтому естественно ожидать, что между нашими финансовыми и экономическими реформами будет существовать известная солидарность и они пойдут рука об руку: экономические преобразования станут создавать и развивать источники национального богатства, которые послужат основанием для нового финансового здания. Не тут-то было!

Отчего это случилось — не наше дело, но только с первой же большой реформы преобразовательное движение село так сказать между двух стульев. Известно, что между принципами, положенными в основание крестьянской реформы редакционными комиссиями, и фактическими отношениями, в какие поставлены крестьяне положением 19 февраля, существует значительное противоречие. Самый закон носит на себе следы борьбы двух направлений: покровительства мелкой и крупной земледельческой промышленности, причем теоретическая часть, или мотивировка положения, построена в пользу первой, а формулирование статей закона играет на руку последней. Приведем несколько примеров.

В основание земельного устройства крестьян положено в принципе отведение им такого надела, который бы обеспечивал их быт и выполнение обязательств перед правительством и помещиками; этим как бы высказывается, что реформа будет совершена в пользу мелкого производства. В дальнейшем развитии принцип этот отчасти уже был нарушен принятием положения о сохранении существующих наделов без внимания к тому обстоятельству, что ввиду быстрого возрастания налогов, которое неминуемо последует при дальнейших преобразованиях, у народа должны быть увеличены и средства их выносить и что с размножением населения отведенного количества земли будет недостаточно для достижения целей реформы. Но, чем дальше подвигается составление нового закона, тем сильнее затемняется основная мысль законодателя, тем больше привилегий получает крупное землевладение. Так, приняв за основание сохранение существующего

надела, редакционные комиссии в видах ограждения интересов крестьян, владевших недостаточными участками, и чтобы не обидеть тех помещиков, которые предоставили крестьянам почти все свои земли, допустили отрезки в пользу той и другой стороны, т. е. так называемые высший и низший наделы. Принцип сохранения хозяйственной самостоятельности народа оставался при этом ненарушимым, и сама система отрезков принята была как мера, способствующая восстановлению нарушенной эгоизмом помещика самостоятельности крестьян; следовало поэтому ожидать, что предельные нормы будут назначены такой величины, чтобы достигалась главная цель реформы и чтобы, если уже неизбежны ошибки, они были бы в пользу крестьян, как преобладающего класса, для которого к тому же то или другое количество земли представляет существенную важность, а помещик самым фактом предоставления крестьянам большого надела доказал, что излишек земли, им отданный, не играет заметной роли в его финансовых расчетах и не нужен для обеспечения его благосостояния. Но когда назначены были самые цифры *maximum*'а и *minimum*'а еще редакционными комиссиями, то и тогда уже примерный расчет показал, что отрезки помещичьих земель в пользу крестьян будут произведены не больше, как в 5% всех имений, у крестьян же в пользу владельцев (в черноземной местности) отрезки будут в 5 раз чаще. Кроме того, помещикам дано было право сохранить себе во всяком случае (с ничтожным ограничением) от одной трети до половины своего земельного имущества. Вместо покровительства крестьянскому землевладению явилось, как видите, поддержание помещичьего.

Такое же противоречие между руководящими законодателем принципами и практическим их осуществлением оказалось и по вопросу о выкупе наделов. Принцип заявлял: личность крестьянина свободна и потому не подлежит выкупу; оплачивать мужик будет землю, полученную им от владельца. В «Современнике» того времени была напечатана статья (кажется, г-на Кавелина), в которой предполагалось вознаградить помещиков не только за землю, но и за теряемую ими рабочую силу, и, однако, размеры выкупной суммы автора проекта ниже тех, какие установлены были «положением» для выкупа одного только земельного участка. Впрочем, и сами составители закона о крестьянах в конце концов соглашались, что ими руководило в этом вопросе желание вознаградить помещиков не только за уменьшение их земельных владений, но и за потерю ими даровой силы.

Результатом всех таких компромиссов было то, что в большинстве случаев народ продолжал платить прежние оброки за уменьшенные наделы, т. е. с первых же шагов свободного состояния, когда крестьяне потеряли право на по-

мощь в трудных случаях от помещиков и должны были приспособляться к новой обстановке, они оказались в экономическом отношении хуже вооруженными, чем были во времена крепостного права; и так как одновременно же началось и увеличение разнообразных платежей, то вместе с ухудшением вооружения крестьян возросли и силы неприятеля, с которым им предстояло бороться. Словом, вышло нечто совершенно неожиданное: вместо покровительства мелкой земледельческой культуре, реформа оказалась произведенной с таким расчетом, чтобы владельцам были обеспечены капитал и дешевые руки для обработки их земель, т. е. она была в пользу крупного хозяйства. Мелкое крестьянское землевладение было подорвано во многих случаях уменьшением количества находящейся в пользовании двора земли и во всех — лишением возможности расширять самостоятельное хозяйство по мере размножения населения; податная же тягость осталась при этом на крестьянах, т. е. на мелком производстве.

Рассматриваемая реформа была в экономическом смысле самая демократическая; в дальнейшем наша внутренняя политика уже прямо выставила принцип покровительства крупной добывающей и обрабатывающей промышленности; финансовая же система осталась дореформенная, иначе говоря, расходы по всем преобразованиям, между прочим, и по тем, смысл которых заключается в уничтожении мелкого народного производства, возложены были на класс, против самостоятельности которого направлены реформы, на производство, обреченное смерти, и тем более быстрой, чем лучше примутся ростки насаждаемого древа капиталистического производства. Прибавим, что вследствие господства круговой поруки по платежу податей мелкое хозяйство не могло избавиться от податной тягости даже в размере, пропорциональном своему падению. Нет, оно могло претерпевать всевозможные изменения к худшему, но не смело лишаться своей -платежной способности.

После сказанного становится ясным, кто обязан был заботиться о возвышении производительности земли, кто мог взять на себя задачу водворения высшей сельскохозяйственной культуры—покровительствуемое ли правящими классами крупное землевладение или всеми способами угнетаемое мелкое крестьянское; ясно, на ком лежит ответственность за переживаемое нами тяжелое время: на крестьянстве, якобы неспособном выполнить задачу, поставленную историческим моментом, или обществе в тесном смысле и покровительствуемом им помещичьим классом.

Крестьянству впору было справиться хотя бы с одной задачей: доставлять деньги для поддержания русского капитализма. И нужно сказать, что выполнял он ее добросовестно до глупости: он изнемогал под тяжестью существующей под-

держки, оказываемой из его кармана крупному производству прямо (в виде выкупных платежей, оброка) и через посредство правительства (субсидии коммерческим предприятиям), а казна ему постоянно подбавляла новые заботы. И хотя для помощи выкупной операции образован был в свое время особый фонд, хотя выкупные платежи и без участия последнего давали правительству за покрытием его действительных расходов десятки миллионов рублей, но таково было ослепление государства насчет предстоящей ему экономической задачи и незнакомство с действительным положением дел, что остающиеся излишки, вместо того чтобы возратить тем или иным путем изнемогающему под тяжестью платежей народу, оно употребило на поддержание той же крупной промышленности. По расчетам г-на Колюпанова, из внесенных крестьянами выкупных до 76 года истрачено было на разных коммерсантов более 150 млн. руб.*

Итак, на мелких хозяевах продолжала лежать задача поддерживать стремящийся к уничтожению ремесла капитализм. Чтобы добыть нужные для этого средства, народ распадал все, что возможно было разработать в центральных черноземных губерниях, стремился к эксплуатации казенных арендных статей в южных и юго-восточных губерниях, и, не находя приложения своих сил и исхода стремлению к самостоятельности на родине, отправлялся искать счастья на восток, занимал и культивировал никому не принадлежащие земли. Правительство, по-видимому, не понимая необходимости такой колонизации, не сознавая, что центральные губернии относительно переполнены населением, и опасаясь, что народный поток на свободные земли унесет туда и руки, необходимые для капиталистического земледелия, сдерживало по мере сил это движение; когда же оно продолжалось, так сказать, вне закона и грозило все равно создать мелкое земледелие на востоке, приняты были меры к тому, чтобы и на новых землях образовалось капиталистическое хозяйство: было разрешено продавать свободные казенные земли в частные руки. Хотя это распоряжение для восточных губерний было обставлено известными ограничениями (продаже подлежали участки не выше 2 тыс. десятин; приобретать их имели право лица заслуженные, от водворения которых в крае ожидалась особая для него польза), но местная администрация распорядилась по-своему. В продажу были пущены не только собственно казенные земли, но и те, которые остались за наделением башкир и предназначались для пополнения недостатка в земле, вызванного размножением населения. Величина отчуждаемых участков доходила до 6 тыс. десятин, и состояли они иногда из дач корабельного леса,

* «Русский курьер» № 320, 1880 г.

продавать который положительно запрещено законом. Земля продавалась с рассрочкой на 37 лет по 2—4 руб. за десятину, тогда как арендная плата здесь колебалась от 1½ до 7 руб. Списки счастливых-приобретателей составлялись, разумеется, без публикации, частью в канцелярии оренбургского генерал-губернатора, частью в министерстве государственных имуществ. Продажа велась так поспешно, что в один-два года роздано все возможное; особенно заслуженным и могущим своим водворением в крае принести ему большую пользу оказался всякий, начиная от министра государственных имуществ и оренбургского генерал-губернатора до учителя гимнастики и ссыльного поляка, кроме тех, без которых край действительно не мог обойтись и которые в самом деле нуждались в земле. «Какой бы крестьянин, — скажем словами Белебеевского земства, — не уплатил без рассрочки 1 — 3³Д руб. за землю, отданную чиновнику с рассрочкой!» Кулаки, пронюхав о продаже и сообразив, что переселения крестьян будут теперь облегчены, но не имея высокого понятия о практических сельскохозяйственных способностях новых владельцев, большинство которых, вероятно, никогда не выезжало и не выедет из Петербурга, решили взять на себя задачу быть особенно полезными краю, как того требовал от новых помещиков закон. Они набросились на несчастные губернии, перекупают там землю, и вот русский крестьянин, отправившийся разрабатывать свободные земли, встретился здесь с тем же кулаком, от которого бежал с родины.

Нечто подобное повторилось и в истории арендования крестьянами казенных земель. В дореформенное время правительство заботилось об упрочении экономической самостоятельности народа: в этих видах оно облегчало аренду ими казенных земель; так, в 50-х годах постановлено, чтобы земля, смежная с селами, в ней нуждающимися, не предьявлялась к торгам, а сдавалась обществам за плату, лишь на 1°/о превышающую оброк их за наделы. Это давало крестьянам возможность большую часть нужной им земли снимать без посредства спекулянтов. Время реформ отразилось и на этом вопросе: в 60-х годах все казенные земли стали сдаваться с торгов, и постепенно начала развиваться система посредничества кулака между казной и народом, а вместе с тем и земельная спекуляция. По некоторым напечатанным данным, можно судить, в каких размерах развивалось указанное явление: в Бузулукском уезде, Самарской губернии, количество земли, непосредственно арендуемой крестьянами, уменьшилось в 4 раза, а арендная плата возросла вдвое; в Николаевском уезде количество земли уменьшилось в 3 раза, а плата возросла в 5 раз *, и т. д. Земля сделалась

* «Русский курьер» № 80, стр. 243.

предметом спекуляции аферистов, крестьяне перестали относиться к ней, как к обеспечению будущих поколений, и беспощадно ее истощали. В 69 году возможность крестьянским обществам участвовать в торгах на казенные земли ограничена еще больше стеснением данного им прежде права заменять залоги мирскими приговорами. Мелитопольское земство решило ходатайствовать о возвращении к прежним порядкам, но этот голос народа не дошел даже до правительства, а застрял в канцелярии губернатора. Не больше успеха имело и недавнее ходатайство херсонского земства, разница только в форме отказа, который в данном случае мотивировался тем, что будто бы казна уже сделала все возможное для облегчения крестьянских аренд.

Итак, в последнее двадцатилетие правительство последовательно проводит идею покровительства крупному капиталистическому производству на средства, доставляемые обреченным гибели мелким производством. Таким путем думает оно достигнуть увеличения производительности труда, повышения национального богатства, если не народного благосостояния и как неизбежное последствие всего этого упрочения государственных финансов. Но на практике во всех отношениях оказалось совершенно противоположное: капиталистическое производство пятится назад, количество добываемых земледельческих продуктов уменьшается, общая сумма национального производства, несколько поддерживаемая гонимым мелким промыслом, сокращается, народ беднеет, и в заключение всего финансы государства все более и более расстраиваются. Такие блестящие отрицательные результаты двадцатилетних усилий правительства неопровержимо доказывают ложность основной идеи господствующей экономической политики; и обратно — противоречие задач, поставленных правящим классом естественному ходу вещей и тенденции времени, его решимость преследовать свои цели во что бы то ни стало, не поддаваясь, а ломая препятствия, встречаемые в действительной жизни, не могли привести ни к чему иному, кроме замешательства в обычном ходе этой последней, расстройства существующих форм без организации на их месте новых, к разложению, а не развитию нашего промышленного строя.

В самом деле, в России нет почвы для развития капитализма, и потому все усилия насадить его у нас пропадут даром. Но, кроме неуспеха, попытки эти могут принести положительный вред, если они основаны на разрушении существующей экономической организации, а у нас так именно и было. Как идея ложная, развитие капиталистического производства в своем практическом осуществлении должно неминуемо повести к ряду нелепостей. Эти последствия, если они касаются только затраты казенных де-

нег, приводят лишь к гибели капиталов, с таким трудом собираемых народом; на этом их влияние и прекращается. Но другое дело, если осуществление излюбленной идеи потребует мероприятий, непосредственно затрагивающих самые существенные интересы мелкого хозяйства: как несоответствующие действительности, они к ней не приложимы и при естественном, ничем не стесняемом течении жизни будут ею переработаны в должном направлении; но как требование, поддерживаемое силой и неспособное ни к каким уступкам, они изломают существующий порядок вещей без возможности взрастить на его месте новый. Какими средствами обладает жизнь для успешной борьбы с таким ничего не разбирающим, ничему не внемлющим, но физически сильным противником? Какими мерами может оградиться мелкое хозяйство от разрушения прямым насилием? Какими сверхестественными силами должна обладать община, чтобы сохранить свою организацию, рассчитанную на естественное, сообразное с реальными историческими законами, хотя бы по временам и болезненное, развитие, а не на безумную вакханалию ослепленной теории, поддерживаемой громадной физической силой! Чего, кроме смерти, мог ожидать средневековый рационалист от фанатика-инквизитора, неспособного и не желающего выслушивать доводы рассудка, но готового употребить пытку, лишь бы заставить противника верить и думать по-своему?^Здесь по крайней мере возможна уловка, но к какой уловке прибегнет разоренная община перед фиском, требующим или денег, или аукциона?

Выше мы имели пример того, как неуклонное преследование казной невозможного требования привело ветлужских рогожников к полному почти разорению: у крестьян нет денег для уплаты податей, но они спокойны, ибо не могут на первый раз помириться с мыслью, чтобы с них потребовали больше, чем они в состоянии дать. Но все дело в том, что они еще не ознакомились достаточно со свойствами новейшего фиска и потому заблуждаются относительно последствий своего «упорства». Скоро дело понемногу разъясняется: полиция грозит принять такие решительные меры, что мир убеждается в крайней нужде правительства в деньгах и потому прибегает к займу под круговую поруку нужной суммы, решается ко всем своим тягостям прибавить еще одну. Приходит новый срок платежа: крестьяне, ослабленные прежними уплатами, еще менее способны удовлетворить требованиям казны, но настояния последней не делают от этого более мягкими; община, может быть, и на этот раз выкрутится, но уже не иначе, как в ущерб будущему. Наступил, наконец, момент, когда у крестьян нет ни наличных, ни кредита; теперь они могут исполнять невольно взятую на себя миссию поддержания капитализма уже под условием рас-

траты так называемого капитала, т. е. приступая к саморазорению. Мир не в состоянии допустить мысли, чтобы от него потребовали такого шага: ведь лишиться средств производства — значит потерять на веки-вечные платежную способность: а что же тогда станет делать государство, финансовая система которого основана именно на платежных силах народа? Но невозможное по здравому смыслу общины оказывается удобоисполнимым для полиции; она не заглядывает в будущее, а жаждет немедленно привести в исполнение распоряжение начальства в настоящем. Ради удовлетворения этой жажды она готова на всякие средства: она буквально выбивает платежи и иногда калечит или доводит до смерти плательщиков. Вот несколько таких случаев: в Трушниковской волости, Слободского уезда, Вятской губернии, по постановлению земского собрания высечена была половина, а в Кайгородской — почти все мужское население, тем не менее подати остались не взысканными. Один из рязанских становых так усердно исполнял циркулярное распоряжение исправника о сечении недоимщиков, что сам распоряжался экзекуцией, мочил розги в соляном растворе и достиг в этом искусстве такого совершенства, что несколькими ударами выбивал из неплательщиков не только подать, но и сознание. Становой Ямбургского уезда, столичной губернии, до того увлекался самоличным приведением в исполнение экзекуционных действий, что в порыве холопского усердия, удерживая бьющегося под розгами мужика, вывихнул своей жертве руку. Старшина Бугурусланского уезда, Самарской губернии, научился в Казанской губернии и применял в своей следующий способ сбора податей: он привязывал неплательщика за бороду к палатному брусу таким образом, чтобы он прикасался к полу только кончиками пальцев, и, продержавши в этом положении некоторое время, запирали в подвал, где было так тепло, что онучи примерзали к ногам. Один 70-летний старик не выдержал такого испытания своей привязанности к насаждению капитализма в России и умер. Усердный старшина был приговорен за это окружным судом (без участия присяжных) к 7-дневному аресту при полиции. Не знаем, что подумали истязуемые, а старшина остался доволен решением суда.

При таком военном отношении начальства к обыденной жизни, уподобляющемуся разве только готовности хозяина резать последнюю курицу, лишь бы достать сию же минуту кроющееся в ней яйцо, как бы хорошо курица не понимала всего безумия решения удовлетворить таким образом свой аппетит, как бы сильны ни были ее жизненные инстинкты и решимость даром не отдавать своей жизни, ей ничего больше не остается делать, как подставить голову под удар. В подобном отношении к фиску находится мир, истощивший для

удовлетворения его требований все свои обыкновенные и экстраординарные ресурсы; дальнейшие жертвы не могут быть приносимы без разрушения производительных сил общины, т. е. без колебания основания, на котором построено финансовое здание государства. Но фиск не останавливается и перед этим средством, и вы согласитесь, что вместе с таким решением фиска прекращается существование общинной организации как свободного союза лиц ради лучшего достижения жизненных целей: мир добровольно покрывал слабых членов круговой порукой, пока видел, что положение дел не выходит из пределов возможного, пока надеялся, хотя и с большими пожертвованиями, но все-таки удовлетворить требованиям минуты. Но, когда он убеждается в том, что условий естественной жизни больше не существует, что перед ним стоит не реальный предмет, способный поддаваться влиянию таких же реальных явлений жизни, а олицетворенная фантазия, игнорирующая условия места и времени и достаточно сильная, чтобы выдержать это игнорирование до конца, миру, как явлению обыденной жизни, ограниченному естественными ее законами и потому неспособному бороться с явлениями не от мира сего, не остается ничего больше, как прекратить свое существование: община распадается как добровольный союз, остается «общество» в административном смысле, группа лиц, насильно связанных круговой порукой, т. е. ответственностью каждого за ограниченность сил всех плательщиков — и неспособностью фиска понять эту ограниченность. Все выгоды, когда-то доставляемые общиной, исчезли, остались лишь неудобства, связанные с принадлежностью к «обществу». Чувство самосохранения побуждает каждого удаляться из сферы влияния этой ужасной фикции, бросать общину и деревню, и никакие высшие нравственные соображения не могут заставить самого добродетельного человека поступить иначе: бороться с бедствием община не может и не потому, что она недостаточно прочна или разумна, а потому, что условия выходят из сферы компетентности этого союза: предстоящий вопрос не местноэкономический, а общеполитический.

Вот основная причина разрушения общины, развития в народе индивидуализма. Не отсталость рассматриваемой формы общежития и не свойства цивилизации вызывают это явление, по крайней мере общечеловеческая цивилизация здесь ни при чем.

Как невозможно было крестьянству при помощи общинной организации сохранить хозяйственную самостоятельность всех своих членов, так же было бы несправедливо обвинять народ за то, что он не изменил старой системы земледельческой культуры, продолжает хищнически истощать землю. По вышеизложенному мы в состоянии до некоторой степени

судить, насколько благоприятна была внешняя обстановка для возможности такого процесса; мы видели, что большая часть влияний, действовавших на народную жизнь, не только неспособна была развить в крестьянах любовь к земледелию • (без которой немыслима и реорганизационная работа), но всячески побуждала бросить эту сферу деятельности, избавиться от чести быть собственником ценного инвентаря, ибо он все равно пойдет в уплату лежащей на общине недоимки. И, однако, несмотря на это, крестьянство не только не забросило окончательно земледелия, но еще задалось целью уничтожить все старания привилегированных классов насадить крупное производство, решилось вырвать из рук помещиков эту отрасль промышленной деятельности. Народ оказался проникательнее или счастливее интеллигенции, его задача совпадала с естественным ходом вещей, и потому он остается победителем в борьбе за форму земледельческой культуры, хотя одержанная победа еще усилила его разорение. Не нужно думать, что народ лишь получил то, что ему дало время, сам оставаясь пассивным участником борьбы крупной культуры с противным течением жизни. Нет, он сам боролся, и о напряжении этой борьбы свидетельствуют жертвы, принесенные им для завоевания хозяйственной самостоятельности. Дворянское сословие оказалось, правда, мало пригодным для того, чтобы взять на себя задачу организовать при новых условиях экономической жизни общественную форму труда в земледельческой области; но у нас не было бы недостатка в лицах из других классов, потребных для этой цели и способных преследовать ее в качестве крупных землевладельцев или мелких капиталистов-фермеров. Но крестьянство уничтожило самую возможность приступить к такому процессу: как ни мало обеспечено положение земледельца вследствие непомерной платежной тягости, подмывающей его освободиться от бремени, связанного с ролью самостоятельного хозяина, но он решился взять на себя еще лишние расходы, лишь бы сохранить эту последнюю. Вместо того чтобы пойти в батраки на верное обеспечение, он предпочел получать то же батрацкое содержание, но под флагом доходов от самостоятельного хозяйствования, т. е. при условиях, когда он рискует не получить ничего. Зато он имеет, нравственное удовлетворение и сослужит великую службу будущему своей родины, устранив с ее почвы капиталистическое земледелие.

Что он действительно сознательно сопротивлялся засева-нию капиталистической формы производства, о том свидетельствуют общераспространенные жалобы помещиков на отсутствие хороших и добросовестных рабочих. Владельцы хорошо понимают причины этого явления и сами объясняют его тем, что мало-мальски исправный хозяин-земледелец всеми

силами старается избежать батрацкой работы, а идут на эту должность обыкновенно разорившиеся и нравственно опустившиеся крестьяне. Но почему же помещики не сопротивляются такому стремлению народа к сохранению своей самостоятельности? Ведь они знают, что, как бы крестьяне ни избегали наемного труда, им не обойтись без помещичьей земли. Зачем же владельцы отдают им часть своих угодий и таким образом способствуют осуществлению планов, направленных, по-видимому, в ущерб их собственным интересам? Дело в том, что крестьяне заставляют землевладельцев поступать таким образом, заставляют не дубьем, а, разумеется, рублем, чтобы отбить у них всякое поползновение сделаться руководителями производства хлеба, крестьяне соблазняют их такими арендными ценами, которые содержат в себе не только ренту, но и проценты на капитал, а, может быть, еще часть или всю предпринимательскую прибыль. Такая готовность крестьян жертвовать всем земледельческим доходом, довольствуясь одной заработной платой, лишь бы Сохранить свою хозяйственную самостоятельность, делает почти невозможным ведение сельскохозяйственного предприятия батрацким путем на обыкновенных коммерческих основаниях: владелец имения без всякого риска получит хороший доход отдачи земли в аренду, капиталисту невозможно нанять землю по крестьянским ценам, как заключающим в себе не только ренту, но и элементы чистого дохода. Часть своей самостоятельности помещики сохраняют, требуя с крестьян уплаты за землю трудом, давая вперед деньги под работу и т. п., но, во-первых, этим они сохраняют только часть возможной по размерам их угодий хозяйственной самостоятельности, во-вторых, труд, добытый таким образом, будет уже кабалой. Это и служит одной из причин, почему владельцы забрасывают свои имения; если последние передаются ими даже крупным арендаторам, то описанным маневром крестьяне и тех заставляют отказаться от чести быть организаторами новой системы земледелия, а передать это дело им, исконным хлебопашцам.

Победа, как видим, недешево достается народу: можно сказать почти наверное, что в качестве самостоятельного арендатора крестьяне очень часто получают не больше, чем нанявшись в батраки. Кроме того, за удовольствие быть хозяевами производства они берут на себя все последствия неурожая, наваливают на свою шею новый платеж, который должны отдать своевременно, очень часто когда еще хлеб находится на корню и крестьянин сидит без гроша. А если читатель хотя несколько знаком с тем, на каких условиях мужик занимает нужные ему десяток-другой рублей, он поймет, что значит лишнее денежное обязательство на шее: развязаться с ним придется путем новой жертвы, и на этот раз

не только материальной, но и нравственной — подчинением кулаку. Таким образом, чем энергичнее и настойчивее крестьянин вырывает у помещика бразды управления сельским хозяйством, тем большую часть своих доходов он принужден отчуждать на сторону, тем меньше тратит лично на себя, тем сильнее, значит, он беднеет и разоряется. Выигрывая как самостоятельный производитель, народ теряет как потребитель.

Нельзя поэтому сказать, что народ 20 лет проспал, что у него только и было заботы: истощать землю и готовить сельскохозяйственный кризис. Он совершал в это время великое дело, от того или другого направления которого зависит будущее наше развитие, он боролся за высший тип общественно-экономического прогресса, и не его вина, если победа далась ему путем понижения степени развития; нельзя упрекать его за то, что, принужденный вести отчаянную борьбу с обществом, народ недостаточно был энергичен в своих отношениях к природе: природа от него не уйдет, а пропустить благоприятный общественно-исторический момент очень нетрудно.

Но, кроме описанных социально-исторических препятствий, на пути развития высшей сельскохозяйственной культуры стояли и домашние финансовые затруднения. Процесс этот, кроме необходимых знаний, требует еще и капитала: чтобы углубить пахоту, нужно затратить на плуг; введение травосеяния также немыслимо без приобретения семян; перемена трехполья на многополье связана с получением в первые годы, до окончательной организации дела, меньшего количества хлеба, следовательно, требует также запасов для содержания в это время семьи. Люди, не ограничивающиеся книжными рассуждениями о нуждах крестьянского хозяйства, а пытающиеся удовлетворить их на практике, хорошо сознают силу этих непреодолимых для крестьян финансовых затруднений; так, г-н Кавелин, пытающийся помочь им в этом деле своими познаниями, говорит, что первым шагом здесь должна быть ссуда крестьянам нужной суммы с рассрочкой возвращения лет на 10*. А мы, кажется, еще не приняли никаких мер для организации народу такого долгосрочного кредита, мы только тянули, тянули с мужика и дотянули до того, что сельскохозяйственная культура двинулась назад. Главная причина забрасывания крестьянами земли и бегства их из деревни заключается в понижении урожаев, зависящем в свою очередь от уменьшения крестьянского скота, проданного на подати и удовлетворение других неотложных потребностей народа. Если отсутствие сельскохозяйственного прогресса мыслимо приписать неразумию и неспособности крестьян, то невозможно самому отчаянному народонена-

* «Земледельческая газета» № 37, 38, 1879 г. и № 39, 1880 г.

вистнику объяснять этими же причинами и продажу крестьянином своей скотины, т. е. следует признать, что это последнее произошло, несмотря на старания хозяев предупредить такое печальное событие. А если расходы, наваленные на крестьян, помимо их согласия, оказались столь громадными, что потребовали превращения в деньги такого имущества, за утратой которого неминуемо должно было последовать понижение сельскохозяйственной культуры и уменьшение доходов от земледелия, то каким образом могли бы они одновременно увеличивать свой инвентарь и делать другие необходимые для земледельческого прогресса затраты? Обстоятельства, например, заставляют вас продать нужную для удержания на известном уровне дохода лошадь или корову, а вам ставят в упрек, что вы не приобретаете плуга, с которым, правда, при благоприятных условиях вы могли бы возвысить доход, но который совершенно излишен при отсутствии лошади.

Не ограниченность знаний, энергии, вообще способностей народа и не общинное землевладение — причина низкого состояния русского земледелия, а неустранимые силами общины общественные и финансовые условия, созданные культурными слоями. Эти условия мешают народу даже применять на практике те правила обычной полевой системы, которые выработаны им долголетним опытом и наблюдениями природы, поэтому-то между его теорией земледелия и практикой существует значительное противоречие. Если вы желаете вести хозяйство рационально (не на заграничный, разумеется, манер), то лучшим вашим учителем в этом предприятии на первое время будет крестьянин: повести как следует дело у себя он не имеет средств, но он сумеет научить этому другого. Вот почему лучшие хозяйства в средней России принадлежат тем купцам, которые покупают имения не ради преходящей аферы, а продолжают вести здесь земледелие: они не пренебрегают народным разумом и опытом и, владея капиталом, могут организовывать свое хозяйство сообразно указаниям мужицкой теории.

ГЛАВА VII

Капиталистическое обращение товаров²⁴⁴

На предыдущих страницах я пытался подметить характеристические черты современных русских экономических порядков, проверить гипотезу об универсальном значении законов промышленного развития, выведенных на основании фактов западноевропейской жизни. Мои заключения состоят в том, что последняя конкретная форма, в какую вылился

промышленный прогресс на Западе, — капиталистическое производство не имеет прочной основы на русской почве; это доказывается, между прочим, тем, что число наемных рабочих в крупной обрабатывающей промышленности остается неизменным в продолжение целых 30—40 лет, в сфере же земледелия прежние крупные производители, помещики, по-прежнему выпускают из своих рук бразды сельскохозяйственного управления, и не является никакого другого класса, который взял бы на себя задачу организовать здесь производство в больших размерах. Факты эти можно признать имеющими решающее значение, потому что последнее двадцатилетие было именно критическим моментом в истории нашей промышленности: крепостные порядки рухнули, труд сделался свободным, естественное течение жизни получило возможность вырабатывать такую экономическую организацию, которая всего больше соответствует требованиям времени, лучше обеспечивает беспрепятственное развитие общества и государства. Насколько в этом процессе сознательно принимала участие воля последних—он направлялся ' в сторону крупного производства: дабы обеспечить ему капитал, руки и рынок, принимались такие меры, как уменьшение крестьянского землевладения, стеснение переселений, организация крупного кредита, субсидии капиталистическим промышленным предприятиям, постройка на счет народа железных дорог и пр.; с другой стороны, не делалось ничего или почти ничего для поддержания мелкого производства в его борьбе с крупным. И если последнее до сих пор не воспользовалось благоприятным моментом, чтобы прочно утвердиться, пустить глубоко в почву корни, то это дает нам право предположить, что оно лишено этой возможности и в ближайшем будущем, ибо противоестественная политика правящих классов, не приводя к желанной цели развития капиталистического производства, создала, однако, такую социально-экономическую атмосферу, в которой способен погибнуть всякий прогресс, почему она рано или поздно должна переменить фронт, обратиться лицом от крупного производства к мелкому.

В самом деле, все вышеперечисленные меры покровительства крупному производству дали в руки экономически сильному лишнее оружие для борьбы со слабым. Воспользоваться своим преимуществом тот мог двояко: озаботиться организацией крупного производства (что и имело в виду правительство, покровительствуя капиталистам) или направить весь арсенал на усиление эксплуатации мелкого производителя. Интересы кармана, принаравливаясь к условиям места и времени, толкнули наших капиталистов на последний путь. Крестьянство, свободные средства которого и без того сократились обязательством поддерживать новейшие общественные реформы, вынуждено было еще урезать траты

на себя и свое хозяйство ради обогащения массы все более и более размножающихся крупных и мелких капиталистов; это лишает его возможности предпринимать что-либо для поднятия производительности своего труда, напротив, есть много обстоятельств, клонящих последнюю к упадку. Результатом такой комбинации различных факторов экономической жизни было то, что у нас одновременно появились *status quo* или даже, быть может, понижение доходов крестьянина и постоянно прогрессирующее увеличение его расходов. Естественным последствием созданного положения было быстро подвигающееся вперед обеднение народа, которое, развиваясь дальше, неизбежно закончится экономическим и финансовым кризисом.

Вот вкратце те выводы, к которым я пришел, основываясь на данных, касающихся нашего крупного и мелкого производства, — на цифрах развития оборотов крупной обрабатывающей промышленности, фактах из жизни кустарного промысла и помещичьего земледелия, движения заработной платы за последнее десятилетие и пр.

Но промышленная жизнь общества получает свое выражение не в одних только формах производства; капиталистическая организация характеризуется также целой законченной системой товарного обращения, поэтому изучение последнего способно в свою очередь пролить свет на существующие экономические порядки. С этой стороны подошел к вопросу г-н Николай — он («Слово» № 10, 1880 г.), и для проверки моих положений, а также для решения вопроса о судьбе капиталистического производства в России весьма важны те заключения, которые вынужден был он сделать. Если его выводы согласны с моими, если результатом его исследования явится также сомнение в обширности и прочности сетей, раскинутых капиталистическим производством в нашей стране, то этим будет дано весьма веское доказательство ложности теории о неизбежности для промышленности всякого народа пройти капиталистическую ступень развития. Вывод этот будет тем замечательнее, что г-н Николай — он приступил к вопросу, очевидно, с предвзятой идеей, веруя в непогрешимость общепринятой теории; и сам Маркс, заинтересуясь он судьбами русского капитализма, не мог бы избрать лучшего метода исследования и вряд ли провел бы его более последовательно, чем это сделал автор^{245. 31}
